

Univerzita Karlova

Filozofická fakulta

Ústav východoevropských studií

Bakalářská práce

Anna Ivanova

**Сравнительный анализ поэм “Двенадцать” А. Блока и
“Христос Воскрес” А. Белого.**

Komparace poem Dvanáct od A. Bloka a Kristus vstal z mrtvých
od A. Bělého

Comparative analysis of poems The Twelve by Alexander Blok
and Christ has risen by Andrei Bely

Praha 2017

Vedoucí práce: Mgr. Hana Kosáková, Ph.D.

Poděkování:

Chtěla bych poděkovat své vedoucí Mgr. Haně Kosákové, Ph.D. za odborné vedení bakalářské práce, za její podporu, čas a poskytování cenných rad a připomínek.

Prohlášení:

Prohlašuji, že jsem tuto bakalářskou práci vypracovala samostatně a výhradně s použitím citovaných pramenů, literatury a dalších odborných zdrojů.

V Praze dne 20. července 2017

.....
Anna Ivanova

Ключевые слова:

русская литература, XX век, символизм, революция 1917 года, Александр Блок, Андрей Белый, Двенадцать, Христос Воскрес

Klíčová slova:

ruská literatura, XX. století, symbolismus, ruská revoluce 1917, Alexandr Blok, Andrej Bělyj, Dvanáct, Kristus vstal z mrtvých

Key words:

Russian literature, XX century, symbolism, Russian revolution of 1917, Alexander Blok, Andrei Bely, The Twelve, Christ has risen

Аннотация

Целью данной бакалаврской работы является сравнение поэм “Двенадцать” Александра Блока и “Христос Воскрес” Андрея Белого. Оба эти произведения обладают некоторыми общими чертами: они написаны двумя выдающимися русскими поэтами-символистами, созданы в конкретный исторический период – в 1918 году, явились реакцией на происходящие в этот период в России революционные события и имеют определенное жанровое и тематическое сходство. Рассмотрение вышеперечисленных факторов, а также установление индивидуальных особенностей, присущих каждой из этих поэм, производится на основе историко-биографических данных, анализа художественного своеобразия и жанровой специфики произведений, раскрытия смыслового значения ключевых символов и образов.

Abstrakt

Cílem dané bakalářské práce je srovnat poetry Dvanáct Alexandra Bloka a Kristus vstal z mrtvých Andreje Bělého. Tyto básně disponují společnými rysy: obě byly napsány předními ruskými symbolistickými básníky, a to roku 1918, a představovaly reakci na aktuální revoluční události v Rusku; rovněž jsou si podobné žánrově a tématicky. Hlubší prozkoumání zmíněných skutečností, jakož i vytčení individuálních rysů pro každou z těchto poem, zakládá na historicko-biografických údajích, na analýze umělecké zvláštnosti a žánrového specifika těchto děl, na odhalení sémantiky klíčových symbolů a obrazů.

Abstract

This bachelor thesis aims to compare poems ‘The Twelve’ by Alexander Blok and ‘Christ has risen’ by Andrei Bely. These poems share certain similarities: they were both written by the leading Russian symbolist poets, both in 1918, and thus represented a reaction on the current revolutionary events in the country; moreover, they are similar in genre and theme. The thesis further explores those common properties, as well as defines the individual features for each of these poems, based on historical and biographical facts, on the analysis of poetic peculiarities and genre characteristics of these two writings, and on the semantics of their key symbols and imageries.

Содержание

Введение.....	7
1. Биографический и литературный контексты творчества А. Блока и А. Белого.....	8
1.1 Некоторые особенности русского символизма.....	8
1.2 Основные философские взгляды А. Блока и А. Белого.....	9
1.3 Общественно-политические взгляды А. Блока и А. Белого.....	14
1.4 Христианская тематика в творчестве А. Блока и А. Белого.....	18
2. После Октябрьской революции 1917 года.....	22
2.1 Отношение А. Блока и А. Белого к происходящим в стране событиям.....	22
2.2 История создания поэм „Двенадцать“ и „Христос воскрес“ и наиболее типичные отзывы современников на их появление.....	28
3. Сравнительный анализ поэм.....	35
3.1 Жанр.....	35
3.2 Тема.....	37
3.3 Сюжет и композиция.....	40
3.4 Персонажи поэм.....	46
3.4.1 Действующие лица.....	46
3.4.2 Образ Христа.....	48
3.4.3 Образ лирического героя.....	50
Заключение.....	53
Список использованных источников.....	55

Введение

Данная бакалаврская работа посвящена двум ярким представителям „серебряного века“ русской литературы – Александру Блоку и Андрею Белому, творческие и личные судьбы которых неразрывно связаны с современной им эпохой. Поэмы „Двенадцать“ и „Христос воскрес“, появившиеся в переломный для истории России момент, интересны, по нашему мнению, тем, что отражают неповторимость индивидуального взгляда поэтов на революцию, являются узловыми в их творчестве и помогают шире и глубже понять весь их путь в литературе.

Работа состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе содержатся:

- некоторые биографические данные из жизни А. Блока и А. Белого, краткая характеристика русского символизма в целом;
- некоторые темы их дореволюционных произведений, в основном те, которые нашли свое продолжение в анализируемых нами поэмах.

Вторая глава посвящена послереволюционному периоду в жизни поэтов. Будут рассмотрены:

- взгляды, которые поэты испытывали после октября 1917 года, их отношение к большевикам и процессам, происходящим в стране;
- история написания поэм, реакция современников и критиков на появление этих произведений.

Заключительная третья часть данной работы касается практической интерпретации поэм, их литературоведческому анализу, то есть определению тех средств поэтической выразительности, которые были использованы авторами для реализации их творческих замыслов. Формат бакалаврской работы не позволил проанализировать обе поэмы в полном объеме, поэтому разбираются лишь некоторые, наиболее важные, как нам кажется, внутритекстовые параметры каждого произведения, а именно:

- жанр;
- тема;
- сюжет и композиция;
- образы лирических героев и действующих лиц.

Отдельно мы остановимся на особенностях изображения Христа в обеих поэмах и попытаемся определить сходства и различия в понимании поэтами этого образа в контексте русской революции.

1. Биографический и литературный контексты творчества А. Блока и А. Белого

1.1 Некоторые особенности русского символизма

Начать разговор о жизни и творчестве Александра Александровича Блока и Андрея Белого (настоящее имя Борис Николаевич Бугаев) нам хотелось бы с цитаты из книги воспоминаний видной представительницы русского символизма Зинаиды Гиппиус: „...какие разные люди, эти два ‚друзя‘, два русских поэта, оба одного и того же поколения, и может быть, связанные одной и той же, – неизвестной, – судьбой...“¹.

Судьба связала Блока и Белого почти на двадцать лет, и надо сказать, за этот долгий срок их отношения не всегда оставались ровными и дружескими, о чем свидетельствует и заключенное в кавычки слово „друзя“ в высказывании Гиппиус. Были в их жизни периоды крепкой дружбы, ссоры, вызов на дуэль. Но нас в основном будут интересовать их творческие биографии, их поэтическое наследие, в котором нашли свое отражение все вопросы и проблемы современной им эпохи.

Блок и Белый родились в одном году – 1880, оба происходили из интеллигентных семей и росли среди людей, близких науке и искусству. Они почти одновременно начали публиковать свои поэтические произведения, и оба являлись представителями так называемого „младшего“ поколения русских символистов.

Русский символизм появился в последнем десятилетии XIX века, в тот период, „когда страна шла к социальным потрясениям мирового масштаба и значения. Мотив и ощущение взрыва как бы были разлиты в воздухе, порождая в литературной жизни... явления необычные и непривычные, которые далеко не во всех случаях укладываются в традиционные схемы“². В первую очередь представители нового направления отражали в своем творчестве это „ощущение взрыва“, то есть ощущение кризиса во всех областях жизни, которое владело человеком *fin de siècle*. Отсюда и эсхатологические предчувствия, ожидание гибели цивилизации, интерес к мистике, очарование смертью. Один из первых поэтов-символистов Дмитрий Мережковский считал, что „современные люди стоят, беззащитные, лицом к лицу с несказанным мраком на пограничной черте света и тени, и уже более ничто не ограждает их сердца от страшного холода, веющего из бездны“³. Главными же элементами нового искусства он

¹ Гиппиус, З. Н. *Живые лица: воспоминания, стихотворения*. Москва: Русская книга, 2002; с. 19.

² Долгополов, Л. К. *Начало знакомства. О личной и литературной судьбе Андрея Белого*. In: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Москва: Советский писатель, 1988; с. 26.

³ Мережковский, Д. С. *О причинах упадка русской литературы*. [online] [cit. 24.02.2017] URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1893_o_prichinah_upadka.shtml.

называл: „мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности“⁴.

Однако уже через 10 лет данная концепция начала устаревать, и следующее поколение символистов пришло со своими собственными представлениями о целях и задачах творчества. Поэт и теоретик символизма Вячеслав Иванов, например, видел в поэте-символисте не художника, а личность, „носителя внутреннего слова, органа мировой души, озаменователя сокровенной связи сущего, тайновидца и тайнотворца жизни“⁵.

„Младосимволисты“, так же как и их старшие коллеги, жили с ощущением кризиса и с осознанием того, что прежние формы искусства исчерпали себя. Но они не разделяли пессимизма „декадентов“; в наступившем кризисе они видели грядущие перемены, новое преображение мира, и поэтому искусство для них – это „важный фактор спасения человечества“⁶, а поэт – „проповедник будущего; его проповедь не в рационалистических догматах, а в выражении своего внутреннего ‚я‘; это ‚я‘ – есть стремление и путь к будущему; он сам – роковой символ того, что нас ждет впереди“⁷.

Мировоззрение „младосимволистов“, их надежды на духовное возрождение общества имели под собой одну важную теоретическую основу, а именно религиозно-философское учение Владимира Соловьева, влияние которого на развитие русской философии и культуры в те годы было огромным. Труды Соловьева понимались поэтами как откровение и служили источником вдохновения. В статье, посвященной двадцатилетию со дня смерти философа, Блок писал: „Вл. Соловьеву судила судьба в течение всей его жизни быть духовным носителем и провозвестником тех событий, которым надлежало развернуться в мире“⁸.

1.2 Основные философские взгляды А. Блока и А. Белого

Интерес к философии, возникший в российском обществе на рубеже XIX – XX вв., касался не только творчества поэтов-символистов, он затронул все области культурной жизни того времени. Более того, произошло некое слияние литературы и философии: ученые-философы (например, Н. Бердяев, С. Трубецкой, Л. Шестов и др.)

⁴ Мережковский, Д. С. *О причинах упадка русской литературы*. [online] [cit. 24.02.2017]
URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1893_o_prichinah_upadka.shtml.

⁵ Иванов, В. И. *Родное и вселенское*. Москва: Республика, 1994; с. 185.

⁶ Белый, А. *Символизм как миропонимание*. Москва: Республика, 1994; с. 258.

⁷ Там же.

⁸ Блок, А. А. *Искусство и революция*. Москва: Современник, 1979; с. 344.

внесли свой вклад в развитие русской литературной критики; писатели и поэты „серебряного века“ проявили себя как публицисты, теоретики литературы, приверженцы тех или иных философских идей. В целом можно сказать, что в „eschatologické, či snad raději důrazné společensky perspektivní dimenzi ruského symbolismu tkví vůbec jeho hlavní specifikum ve srovnání se symbolismem v ostatních evropských literaturách. V ní má svůj původ jeho nesporná a pověstná větší filosofičnost...“⁹.

Творчество Блока и Белого на раннем этапе своего развития формировалось главным образом под влиянием философии и поэзии Соловьева, который был „jedním z prvních ruských spisovatelů, kteří vnesli do literatury poetiku symbolismu, neboť jako básnický výraz ‘vsejedinstva’ mu sloužily symboly věčného ženství, duše světa, zlatisté modří, nezemské existence a souzvuku vesmíru“¹⁰. Вечная Женственность для Соловьева являлась символом Божественной основы мира, Мировой Души, приход которой на землю должен был бы преобразить человечество на основе истины, добра и красоты. Кроме того, Соловьев был убежденным сторонником идеи „свободной теургии“, позднее подхваченной „младосимволистами“ и понимаемой ими как преобразование мира посредством искусства. Вяч. Иванов писал: „...Вл. Соловьев нашел, как учитель, слова, раскрывшие глаза поэту и художнику на его истинное и высочайшее назначение: Соловьев определил истинное искусство как служение теургическое“¹¹.

Воспоминания о Соловьеве, так же как и работы, посвященные его учению, оставили многие „младосимволисты“. Однако, по мнению философа Николая Бердяева, все они понимали идеи Соловьева в искаженном виде. Называя Блока и Белого в статье „Мутные лики“ (1922 г.) „русскими мальчиками“, „оптимистами грядущего“, а Соловьева – „пессимистом-апокалиптиком“, Бердяев утверждал, что Соловьев для обоих поэтов „есть лишь повод для выявления их собственных софианских переживаний и предчувствий“¹². Единственное, что взяли Блок и Белый из учения Соловьева, по мнению Бердяева, – это „несколько софианских стихотворений“¹³, когда как в главном они расходились: „...Соловьев прежде всего верил в Христа, а потом уже в Софию; А. Блок прежде всего верил или хотел верить в Софию, в Христа же никогда не верил“¹⁴. Что касается Белого, то он „все время смешивает и отождествляет

⁹ Honzík, J. *Dvě století ruské literatury*. Praha: Torst, 2000; с. 200.

¹⁰ Hrala, M. *Ruská moderní literatura 1890 – 2000*. Praha: Karolinum, 2007; с. 155.

¹¹ Иванов, В. И. *Родное и вселенское*. Москва: Республика, 1994; с. 344-345.

¹² Бердяев, Н. А. *Мутные лики*. In: *Андрей Белый: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 536.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

„революцию духа’ с внешней, социально-политической революцией“¹⁵. Эти противоречия наиболее ярко проявились в 1917 году. „Когда разразилась революционная буря, А. Блок и А. Белый не в силах были проявить мужественной активности духа, не могли различить духов, они оказались окутанными иррациональной стихией революции, ...они пассивно ей отдались и пытались увидеть в революции Ее, с которой ждали свиданий“¹⁶.

Как бы там ни было, оба поэта оставались верны романтическому идеалу Вечной Женственности на протяжении всей своей жизни. Их отношение к Христу было сложнее (это будет рассмотрено нами в подглаве 1.4). Пока, в подтверждение слов Бердяева, приведем лишь один отрывок из письма Блока Белому, написанное им в 1903 году: „...я люблю Христа меньше, чем Ее и в ,славословии, благодарении и прошении’ всегда прибегну к Ней“¹⁷.

„Она“ для Блока – это не только абстрактная Владычица Вселенной, но и вполне конкретная женщина – Любовь Дмитриевна Менделеева, к которой поэт питал и романтическую страсть, и чувство религиозного поклонения. „Земная“ женщина стала в представлении поэта воплощением божественного, недостижимого идеала, олицетворением вечной красоты и гармонии. Художественное выражение этот образ нашел в первом блоковском поэтическом сборнике, озаглавленном „Стихи о Прекрасной Даме“. В нем возлюбленная поэта предстает как Царевна, Невеста, Величавая Вечная Жена, Святая, Недостижимая и Непостижная.

Мой голос глух, мой волос сед.

Черты до ужаса недвижны.

Со мной всю жизнь – один Завет:

Завет служенья Непостижной.

(Religio)

Белый в ранних стихотворениях не соединял воедино небесное и земное, телесное. В первых поэтических сборниках „тема интимной любви к женщине... не занимала сколько-нибудь важного места... В немногих стихотворениях ‚Золота в лазури’ и ‚Урны’... эта тема раскрывалась, как правило, в житейском, психологическом плане и не соотносилась с идеей Вечной Женственности и рыцарским служением этой идее“¹⁸. Образ Вечности наделен у Белого некоторыми женскими чертами, но в целом он слишком размыт и неясен:

¹⁵ Бердяев, Н. А. *Мутные лики*. In: *Андрей Белый: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 538.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Белый, А., Блок, А. А. *Переписка 1903 – 1919*. Москва: Прогресс – Плеяда, 2011; с. 69.

¹⁸ Пьяных М. *Певец огневой стихии. Поэзия А. Белого революционной эпохи 1917 – 1921 годов*. In: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Москва: Советский писатель, 1988; с. 245.

Полосы солнечных струй златотканые

в облачной стае горят...

Чьи-то призывы желанные,

чей-то задумчивый взгляд.

(Образ вечности)

Душа мира в изображении Белого также не соответствует своему каноническому толкованию. Для него она не символ мудрости, не мистическое начало, объединяющее Бога с земным миром, а часть этого мира. И если Соловьев только ожидал ее прихода на Землю, то для Белого она уже здесь:

Вечной

тучкой несется,

улыбкой

беспечной,

улыбкой зыбкой

смеется.

Грядой серебристой

летит над водою –

– лучисто –

волнистой

грядюю.

(Душа мира)

Со временем образ Вечной Женственности претерпит значительные изменения в произведениях обоих поэтов. После несчастной любви к Л. Д. Менделеевой Белый найдет свой идеал в Асе Тургеневой, которая станет для него символом библейской „Жены, облеченной в солнце“, в ней он увидит соединение вечного, небесного и земного:

Ты – отдана небесным негам

Иной, безвременной весны:

Лазурью, пурпуром и снегом

Твои черты осветлены.

(Асе)

Прекрасная Дама у Блока постепенно трансформируется в Коломбину, затем в Снежную Деву, в Незнакомку, в Кармен и, наконец, в Катюку из поэмы „Двенадцать“.

Болезненнее всех к переменам в поэтике Блока отнесся Белый. Прекрасная Дама, „впоследствии разложившаяся на проститутку и мнимую величину“¹⁹, сравнивалась им

¹⁹ Белый, А. *Обломки миров*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 97.

с „ядовитой гусеницей“²⁰, драмы Блока он воспринимал, как „постоянное богохульство“²¹, а пьеса „Балаганчик“, например, стала для него личным оскорблением: „Блок высмеял в ‚Балаганчике‘ ...своих ‚вчерашних друзей‘, изображенных идиотическими мистиками; ...одним из ‚мистиков‘ был я“²².

Особенно резок в своих оценках Белый был в период разрыва отношений между ним и Блоком (примерно 1906 – 1910 гг.), хотя роль идейного руководителя он играл практически беспрестанно с самого начала их знакомства. „Считая себя более подготовленным... в идейно-теоретическом отношении, а Блока слабым и беспомощным в мыслительной культуре, плохим философом, Белый взял на себя роль идейного стража при нем, роль его духовного руководителя“²³. Справедливости ради нужно заметить, что самомнение Белого имело под собой определенные основания. Мироззрение поэта формировалось под влиянием различных религиозно-философских учений: „от отроческого шопенгауэрианства до зрелой антропософии“²⁴. „Zatímco Blok vnímal filozofické problémy spíše svou básnickou intuicí, zabýval se Andrej Bělyj... filozofickými otázkami odborně po celý svůj život“²⁵. Он не создал свою собственную философскую систему, но посвятил ряд теоретических работ ницшеанству, неокантианству, Шопенгауэру, Соловьеву, антропософии. Увлекался он и естественными науками. Причины такого разброса интересов Белого объясняются его постоянным поиском гармонии между мистическим и научным познанием, попытками найти скрытую сущность бытия, „приблизиться к чисто религиозной проблеме: к телеологии культуры, к ее конечным целям“²⁶. Сам он видел культуру как „особого рода связь между знанием и творчеством, философией и эстетикой, религией и наукой“²⁷, а ее задачи, следуя учению Соловьева, определял как „деятельность сохранения и роста жизненных сил личности и расы путем развития этих сил в творческом преобразовании действительности“²⁸.

Итак, как мы видим, Белый подходил к творческому процессу с научных позиций, что не могло не отразиться на его произведениях, которые нередко

²⁰ Белый, А. *Обломки миров*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 97.

²¹ Белый, А., Блок, А. А. *Переписка 1903 – 1919*. Москва: Прогресс – Плеяда, 2011; с. 318.

²² Белый, А. *Символизм как миропонимание*. Москва: Республика, 1994; с. 444.

²³ Пьяных М. *Певец огневой стихии. Поэзия А. Белого революционной эпохи 1917 – 1921 годов*. In: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Москва: Советский писатель, 1988; с. 242.

²⁴ Белый, А. *Символизм как миропонимание*. Москва: Республика, 1994; с. 442.

²⁵ Kšicová, D. *Poéma za romantismu a novoromantismu: rusko-české paralely*. Brno: Univerzita J.E. Purkyně, 1983; с. 107.

²⁶ Белый, А. *Символизм как миропонимание*. Москва: Республика, 1994; с. 21.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же; с. 20.

становились воплощением его идейно-духовных исканий. Подобные требования он предъявлял и к произведениям Блока. Однако даже в самых резких своих выступлениях он никогда не умалял поэтического дарования Блока. Приведем один наглядный пример: весной 1907 года (а это было время, когда Белый подумывал о дуэли с Блоком) в рецензии на сборник Блока „Нечаянная радость“ Белый хоть и обвиняет „друга“ в измене прежним идеалам, но все же признает, что „Блок – один из виднейших современных русских поэтов“²⁹.

Тема Вечной Женственности – не единственный общий мотив в лирике двух поэтов. И влияние Соловьева на Белого и Блока не ограничивалось только религиозно-философскими вопросами, идеями Мировой Души и теургии. От него они переняли тревожные предчувствия будущих катастроф, интерес к истории России, равнодушие к общественно-политическим процессам, происходящим в стране.

1.3 Общественно-политические взгляды А. Блока и А. Белого

Блок и Белый, начиная свой путь в литературу, были далеки от политики и общественной жизни. Блок, например, однажды оказался единственным студентом в университете, не присоединившимся к очередному студенческому бойкоту преподавателей и продолжавшим посещать занятия. Позже, вспоминая в своей автобиографии избиение студенческой демонстрации на Казанской площади в Петербурге 1901 года, поэт признался, что был „вполне чужд“³⁰ подобным происшествиям.

В отличие от Блока, который никак не разъясняет свою политическую индифферентность, неучастие Белого в общественной жизни основывалось на определенных идеологических принципах. В своих мемуарах он писал: „...студенческие волнения переживаются мною, как симпатичный, но обреченный на провал утопизм, ...как нечто, вызванное провокацией; анархический протест против государства... диктует мне невмешательство в то, что – есть иллюзия“³¹.

Знакомясь с биографией обоих поэтов, читая их произведения, мы видим, как менялось их мировоззрение, какой путь прошли они от полной аполитичности до поэмы, посвященной революции. Немалую роль в этом сыграли внешние обстоятельства:

²⁹ Белый, А. *Нечаянная радость. Второй сборник стихов*. In: Александр Блок: *Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 51.

³⁰ Блок, А. А. *Собрание сочинений в восьми томах, т. 7. Автобиография, 1915. Дневники, 1901 – 1921*. Москва – Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1963; с. 340.

³¹ Белый, А. *На рубеже двух столетий*. Москва – Ленинград: Земля и фабрика, 1931; с. 488.

поражение России в русско-японской войне, первая русская революция 1905 года, забастовки рабочих и крестьянские волнения. Хотя, надо заметить, в лирике Блока тема людского горя встречается и перед этими событиями (в частности, трагическими зарисовками повседневной русской жизни являются его стихотворения „Фабрика“, „Из газет“, написанные в 1903 г.). Не случайно Анна Ахматова назвала поэта „трагическим тенором эпохи“³².

После 1905 года и Андрей Белый „заговорил стихами, исполненными общественного негодования и социального накала“³³. Его поэтический сборник „Пепел“ тематически и стилистически приближается к гражданской поэзии Н. А. Некрасова, памяти которого и была посвящена эта книга. Стихотворения „Пепла“ отличаются сюжетностью, реалистическим подходом к изображению действительности, ярко выраженной авторской позицией. Белый здесь продолжает и тему забитого, „маленького“ человека, так характерную для классической русской литературы XIX века. Вот как описывает он безрадостную жизнь бедного телеграфиста:

*Стоит он на платформе,
Склонясь во мрак ночной, –
Один, в потертой форме,
Под стужей ледяной.
Слезой взор туманит.
В костях озябших – лом.
А дождик барабанит
Над мокрым козырьком.* (Телеграфист)

Страшной, беспросветной предстает у Белого российская жизнь, и сама Россия для поэта – это родина злая, роковая страна или попросту пространство, в котором „от голода, холода тут и мерли, и мрут миллионы“³⁴. Если Блок, вопреки всем внешним обстоятельствам, призывает: „Полюби эту вечность болот“³⁵, то Белый выносит суровый приговор своему отечеству: „Над страной моей родною встала Смерть“³⁶. Однако, несмотря на различия во взглядах поэтов, существенным для нас является то,

³² Ахматова, А. А. *Избранное*. Москва: Художественная литература, 1974; с. 392.

³³ Долгополов, Л. К. *Начало знакомства. О личной и литературной судьбе Андрея Белого*. In: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Москва: Советский писатель, 1988; с. 62.

³⁴ Белый, А. *Стихотворения и поэмы*. Москва – Ленинград: Советский писатель, 1966; с. 191.

³⁵ Блок, А. А. *Полное собрание стихотворений в двух томах, т. 1*. Ленинград: Советский писатель, 1946; с. 179.

³⁶ Белый, А. *Стихотворения и поэмы*. Москва – Ленинград: Советский писатель, 1966; с. 179.

что тема России после 1905 года становится важнейшей темой в их последующем творчестве. К тому же драматические события окружающей жизни способствовали не только перерождению поэтов-символистов в „человека ‚общественного‘, художника, мужественно глядящего в лицо миру“³⁷, как охарактеризовал себя Блок в одном из писем Белому, но и пробудили в поэтах интерес к прошлому отчизны, к ее исторической судьбе.

Вершиной патриотической лирики Блока можно считать цикл „На поле Куликовом“. Обращаясь к одному из ключевых событий в истории России – Куликовской битве, поэт пытался донести до читателя мысль о том, что в какой бы трудной ситуации не находилась страна, ей всегда суждено будет возродиться.

Но Куликовская битва для Блока – это не просто страничка русской истории, она имела для поэта символическое значение. Участь России в его понимании – это „вечный бой“³⁸, и поэт предчувствовал, что в будущем не раз еще придется русскому народу испытать „высоких и мятежных дней“³⁹.

*Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.* (,Опять с вековой тоскою...“)

Ясна для читателя и позиция самого автора: он вместе с народом, он, как и его лирический герой, готов пожертвовать жизнью за Родину:

*Я – не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннюю обедней
Мила друга, светлая жена!* (,Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...“)

Блок не раз обращался к теме Куликовской битвы. Так в статье „Народ и интеллигенция“ (1908 г.) поэт проводит параллель между противостоянием русских и татарских войск с одной стороны и враждебностью между народом и интеллигенцией с другой – „двумя станами“, которые „не видят и не хотят знать друг друга“⁴⁰. По мнению Блока, неприступная черта отделяет интеллигенцию от России, и необходимо

³⁷ Белый, А., Блок, А. А. *Переписка 1903 – 1919*. Москва: Прогресс – Плеяда, 2011; с. 408.

³⁸ Блок, А. А. *Полное собрание стихотворений в двух томах, т. 1*. Ленинград: Советский писатель, 1946; с. 502.

³⁹ Там же; с. 505.

⁴⁰ Блок, А. А. *Искусство и революция*. Москва: Современник, 1979; с. 111.

как можно скорее преодолеть эту черту, хотя, как горько замечает автор: „Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель“⁴¹.

О разобщенности российского общества писал и Белый. Пытаясь разобраться, что есть Россия, он делает такое заключение: „Россия есть несовершенный процесс исторического творчества, а не готовый его продукт; Россия вся – *in statu nascendi*; она – хаос“⁴². Оставаясь верным теургическим идеям, любовь к Родине Белый воспринимал как творческий акт, „последнюю цель всех творческих стремлений“⁴³. Для него, в отличие от Блока, не существует прошлого и настоящего России, вернее, и прошлое и настоящее представляются ему такими ужасными, что „следует... сказать настоящей, больной России: – Исчезни, Россия, исчезни!“⁴⁴. Смерть для Белого – теурга, символиста, мистика – это путь к воскресению, и он готов вместе с Россией сгореть в „огневой стихии“ „грядущего дня“:

*Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия, –
Безумствуй, сжигая меня!* (Родине)

Как мы видим, образ России в лирике Белого в период между двумя революциями претерпел значительные изменения. Из ледяного пространства она превратилась в огневую стихию, Небесную Жену, а позже, в поэме „Христос воскрес“, – в Богоносицу. В этих образах нашла свое логическое продолжение тема вечной красоты и гармонии, тема Мировой Души. То же самое можно сказать и о поэзии Блока, только его чувство к России еще более интимное, глубоко личное. В цикле „На поле Куликовом“, например, она для него и Жена, и Та, чей „лик нерукотворный светел навсегда“⁴⁵. „...„Прекрасная Дама“ существует для Александра Александровича в каждой женской душе; в каждом сознании русском живет она, живет и продолжает жить, и ее имя – Россия...“⁴⁶.

⁴¹ Блок, А. А. *Искусство и революция*. Москва: Современник, 1979; с. 115.

⁴² Белый, А. *Россия*. [online] [cit. 24.02.2017]
URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_1910_rossiya.shtml

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Блок, А. А. *Полное собрание стихотворений в двух томах, т. 1*. Ленинград: Советский писатель, 1946; с. 504.

⁴⁶ Белый, А., Иванов-Разумник, Р. В., Штейнберг, А. З. *Памяти Александра Блока*. Томск: Водолей, 1996; с. 32.

1.4 Христианская тематика в творчестве А. Блока и А. Белого

Для разбора и сравнения поэм „Двенадцать“ и „Христос воскрес“, а также для более полного понимания мировоззрения обоих поэтов, нельзя обойти вниманием еще одну важную тему – тему веры и Христа. Христианские мотивы если и не имели первостепенного значения в их творчестве, то безусловно были одними из основных, а духовные искания, стремление к высшему идеалу сопровождало их в течение всей жизни. К образу Христа Блок и Белый обращались постоянно и не только в своих произведениях, но и в публицистических работах, в личной переписке. Разумеется, и этот образ, подобно образу Вечной Женственности, не оставался для поэтов неизменным.

Мы уже упоминали о том, что отношение Блока к религии было довольно сложным. В дополнение приведем еще две цитаты из его корреспонденции:

„Но я ни за что, говорю вам теперь окончательно, не пойду врачеваться к Христу. Я Его не знаю и не знал никогда <...> Пустое слово для меня, термин, отпадающий, „как прах могильный“⁴⁷. (из письма Е. П. Иванову от 15 июня 1904 г.).

„...в Бога я не верю и не смею верить, ибо значит ли верить в Бога – иметь о нем томительные, лирические, скудные мысли... Я готов сказать лучше, ...я – очень верю в себя, ...ощущаю в себе какую-то здоровую цельность и способность и умение быть человеком – вольным, независимым и честным... Все это я пережил и ношу в себе – свои психологич<еские> свойства ношу, как крест, свои стремления к прекрасному, как свою благородную душу“⁴⁸. (из письма А. Белому от 15 – 17 августа 1907 г.).

Из этих отрывков видно, что у Блока было особое отношение как к Богу, так и к Христу. Нежелание верить в Бога связано у поэта, возможно, с общим для литераторов того времени переосмыслением религии, поиском новых ее форм, с идеей о необходимости обновления религиозного сознания. Неприятие казенного, официального православия привело к тому, что Блок, по-видимому, не принимал и канонический образ Христа. Как уже было сказано выше, в ранних стихотворениях Блока интимно-личные переживания лирического героя связаны в первую очередь с его взаимоотношениями с возлюбленной, с Прекрасной Дамой. Через любовь поэт пытается понять непостижимые тайны бытия, постичь божественную сущность.

Ты была светла до странности

И улыбкой – не проста.

⁴⁷ Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову. Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1936; с. 25.

⁴⁸ Белый, А., Блок, А. А. Переписка 1903 – 1919. Москва: Прогресс – Плеяда, 2011; с. 324.

Я в лучах твоей туманности

Понял юного Христа.

(„Ты была светла до странности...“)

Христос в стихах Блока может представлять в различных обликах. Он и бог-ребенок, и младенец, и агнец кроткий, и „полевой Христос“. Встречается и мотив, который потом найдет свое продолжение в поэме „Двенадцать“, а именно – появление Христа перед отчаявшимися, потерявшими веру, людьми.

Высоко – над домами – в тумане снежной бури,

На месте полуденных туч и полуночных звезд,

Розовым зигзагом в разверстой лазури

Тонкая рука распластала тонкий крест.

(Последний день)

Поэт и себя может отождествлять с Христом:

О том, что было, не жалея,

Твою я понял высоту:

Да. Ты – родная Галилея

Мне – невоскресшему Христу.

(„Ты отошла, и я в пустыне...“)

А может искать у него спасения:

Христос! Родной простор печален!

Изнемогаю на кресте!

И челн твой – будет ли причален

К моей распятой высоте?

(Осенняя любовь)

Но трагическое мироощущение не позволяло Блоку ждать избавления от собственных крестных мук. В стихотворении „Рожденные в годы глухие...“, посвященном Зинаиде Гиппиус, о себе и своих современниках он с горечью сказал: „Мы – дети страшных лет России// <...> В сердцах, восторженных когда-то,// Есть роковая пустота“. Все надежды и чаяния поэта были связаны с будущим России. И он уже не для себя, а для грядущих поколений просит Христа о защите и спасении:

И пусть над нашим смертным ложе

Взовьется с криком воронье, –

Те, кто достойней, боже, боже,

Да узрят царствие твое!

(„Рожденные в годы глухие...“)

В лирике Андрея Белого тема Христа раскрывается не менее разнообразно, чем у Блока. И в этой теме поэты в чем-то повторяли, а в чем-то дополняли друг друга. В частности, в стихах Белого мы находим тот же образный ряд, который был присущ и

Блоку: вера в новое пришествие, крестный путь поэта, отождествление распятого Христа с лирическим „я“.

Там... в низинах... ждут с верой денницу.

Жизнь мрачна и печальна, как гроб.

Облеките меня в багряницу!

Пусть вонзаются тернии в лоб.

(Возмездие)

Как мы видим, поэт смотрит на жизнь с обреченностью, осознает свою неминуемую гибель, но готов к страданиям и жертвам, готов нести свой терновый венец.

Как истинный поэт-теург Белый в этом и других стихотворениях настойчиво продолжает развивать теургическую идею творчества. Поэт, художник для него – „бог своего мира. Вот почему искра Божества, запавшая из мира бытия в произведение художника, окрашивает художественное произведение демоническим блеском. Творческое начало бытия противопоставлено творческому началу искусства. Художник противопоставлен Богу. Он вечный богоборец“⁴⁹.

Правда, надо заметить, иногда Белый отказывается от излишней патетики и в некоторых стихотворениях позволяет себе ироническое, а подчас и откровенно язвительное отношение к себе, как к новому пророку:

Стоял я дураком

в венце своем огнистом,

в хитоне золотом,

скрепленном аметистом –

один, один, как столб,

в пустынях удаленных, –

и ждал народных толп

коленопреклоненных...

(Жертва вечерняя)

Новый, нетипичный подход в осмыслении образа Христа появляется в произведениях Белого после его знакомства с мистическим учением Рудольфа Штейнера – антропософией, в которой поэт „обнаружил для себя стройное и согласованное, унисонное сочетание религиозных, философских, мистических, научных и эстетических ценностей“⁵⁰. В сборнике „Звезда“, написанном под влиянием

⁴⁹ Белый, А. *Критика. Эстетика. Теория символизма в двух томах, т. 2.* Москва: Искусство, 1994; с. 143.

⁵⁰ Лавров, А. В. *Андрей Белый. Разыскания и этюды.* Москва: Новое литературное обозрение, 2007; с. 42.

антропософского учения, Христос более всего далек от своего традиционного евангелического изображения. В стихотворении „Родина“, например, он предстает как бы излившимся в космосе, соседствующим рядом с кольцами Сатурна и Млечным путем. Существенным для нас является то, что в сборнике, составленном из стихотворений, написанных в 1913 – 1919 годах, чувствуется тот же приподнятый эмоциональный тон, характерный и для поэмы „Христос воскрес“, то же восторженное отношение к России, как к символу будущего воскрешения и спасения человечества, то же неоправданное воодушевление от надвигающейся революционной стихии:

Встань, возликуй, восторжествуй, Россия!

Грянь, как в набат, –

Народная, свободная стихия

Из града в град!

(Декабрь 1916 года)

Тема воскрешения раскрывается поэтом и через образ лирического героя. В стихотворении, недвусмысленно озаглавленном „Я“, поэт говорит от лица того, кто услышал весть о воскрешении, того, кто отождествляет себя с новым Мессией.

„Я“ – это Ты, Грядущий

Из дней во мне – ко мне –

В раскинутые кущи

Над „Ты Еси на не-бе-си!“

(„Я“)

В поэме „Христос воскрес“ Белый продолжил развитие своего понимания личности Христа и смысла христианства. К этим темам Белый будет обращаться и в последующих своих произведениях (например, в поэмах „Первое свидание“ и „Глоссолалия“), чего нельзя сказать, к сожалению, о Блоке. Для него появление Христа в финале поэмы „Двенадцать“ стало последней точкой в осмыслении этого образа.

2. После Октябрьской революции 1917 года

2.1 Отношение А. Блока и А. Белого к происходящим в стране событиям

Наличие общих тем в произведениях Блока и Белого, несомненно, свидетельствует о том, что в их взглядах, жизнеощущении, душевном состоянии имелось определенное сходство. Лишним доказательством этого является и то, с какими надеждами они оба отнеслись к революционным событиям 1917 года. Для поэтов Октябрьская революция явилась шансом для спасения России и символом крушения старого мира, а кроме того, в победе большевиков они увидели историческую правду, возмездие за все то зло, которое столетиями творилось на Руси. „Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? – Потому, что там насиловали и пороли девок... Почему валят столетние парки? – Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть <...> Замалчивать этого нет возможности <...> Мы – звенья единой цепи. Или на нас не лежат грехи отцов?“⁵¹ – спрашивал Блок современников в статье „Интеллигенция и революция“ в январе 1918 года, в тот же период, когда создавалась поэма „Двенадцать“.

Белый воспринимал русскую революцию еще и как новый этап духовного развития всего человечества. „...Медитации Штейнера... и идеология пролетарского Интернационала причудливо слились в сознании Белого в одну общую мировую, вселенски-космическую идею всемирного братства, которое и должно будет увенчать ход мировой истории“⁵². В своих утопических мечтах он видел в пролетариате „выход из классовой градации общества“⁵³, а в революции – „проявление творческих сил“⁵⁴.

В предыдущей главе мы уже писали о той критике, которой философ Н. Бердяев подверг позицию Блока и Белого. Приведем еще одну цитату из его статьи: „А. Блок и А. Белый, связанные с скифством и левым эсерством, представляют последнюю трансформацию русского народничества. <...> Народничество есть порождение интеллигентского сознания и интеллигентских настроений. Для этого сознания и этих настроений народ есть тайна, в этой тайне скрыта правда, скрыт Бог, перед тайной этой нужно склониться“⁵⁵. Далее, говоря о личности Блока, Бердяев так оценивает его

⁵¹ Блок, А. А. *Искусство и революция*. Москва: Современник, 1979; с. 223-224.

⁵² Долгополов, Л. К. *Начало знакомства. О личной и литературной судьбе Андрея Белого*. In: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Москва: Советский писатель, 1988; с. 86.

⁵³ Белый, А. *Символизм как миропонимание*. Москва: Республика, 1994; с. 307.

⁵⁴ Там же; с. 300.

⁵⁵ Бердяев, Н. А. *Мутные лики*. In: *Белый: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 541.

жизненный путь: „...в трагической судьбе его изобличается ложь... всего этого течения в русской духовной жизни. Литература предчувствовала революцию, революция в литературе совершалась раньше, чем в жизни. Но пророком может быть назван лишь тот, кто духовно возвышается над той стихией, о которой он пророчествует“⁵⁶.

Скифство, о котором упоминает в своей статье Бердяев, – довольно любопытное и неоднозначное идеологическое течение, напрямую связанное со славянофильством, с идеями мессианского предназначения России, с представлениями о Европе, как о „стареющей“, постепенно гибнущей цивилизации. Вл. Соловьев, на труды которого, как мы знаем, во многом опирались символисты, ввел в обиход термин – панмонголизм, под которым он подразумевал опасность гибели всей европейской цивилизации от нового нашествия с Востока. Вот как пишет он о „монгольской“ угрозе в своем стихотворении „Панмонголизм“:

*Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.*

*О Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен⁵⁷.*

Строки из этого стихотворения Блок взял эпиграфом к своему стихотворению „Скифы“, написанном одновременно с поэмой „Двенадцать“. Для него и для Белого „скифская“ идеология стала созвучна с их давними представлениями об особой роли России в мире. В романе „Петербург“, написанном за несколько лет до революции 1917 года, Белый так описывает неизбежное столкновение двух цивилизаций: „...брань великая будет, – брань, небывалая в мире: желтые полчища азиатов... обогрят поля европейские океанами крови... Будет – новая Калка! <...> Воссияет в тот день и последнее Солнце над моею родною землей. Если, Солнце, ты не взойдешь, то, о, Солнце, под монгольской тяжелой пятой опустятся европейские берега...“⁵⁸.

⁵⁶ Бердяев, Н. А. *Мутные лики*. In: *Белый: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 542.

⁵⁷ Соловьев, В. С. *Собрание стихотворений*. [online] [cit. 24.02.2017]
URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_0060.shtml#122

⁵⁸ Белый, А. *Петербург*. Москва: Наука, 1981; с. 99.

В 1917 году, в условиях затянувшейся войны и нестабильной внутренней ситуации, проблема „желтых полчищ“ отступила на задний план. Возникла угроза распада огромной Российской империи. „Отделение“ Финляндии и Украины сегодня вдруг испугало меня. Я начинаю бояться за „Великую Россию“... Если распылится Россия? Распылится ли и весь „старый мир“ и замкнется исторический процесс, ...или Россия будет „служанкой“ сильных государственных организмов?“⁵⁹, – пишет Блок в дневнике летом 1917 года.

Стихотворение „Скифы“ родилось в еще более сложной обстановке зимы 1918 года, однако тон в нем задает не ощущение надвигающейся катастрофы, а патриотический пафос (или как метко заметил И. Бунин: „...наше исконное: „Шапками закидаем!“⁶⁰):

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,

С раскосыми и жадными очами!

По мнению Блока, Россия – страна уникальная, окутанная тайной, как Сфинкс, и он призывает „старый мир“ остановиться пока не поздно перед „Сфинксом с древнею загадкой“, опомниться, прекратить кровопролитие и прийти на „братский пир труда и мира“.

Проблему „Россия – Европа“ приверженцы скифской идеи рассматривали не только в географическом смысле. Запад для них был воплощением бездуховности, мещанства, культурного упадка. Один из идеологов скифского движения Р. В. Иванов-Разумник в своем анализе стихотворения „Скифы“ объяснял смысл блоковского текста именно с этой точки зрения: „Два врага стоят лицом к лицу: русский, „скиф“, и европеец, „мещанин“, новая Россия и старая Европа. И если есть у России миссия, то вот она: взорвать изнутри старый мир Европы своим „скифством“, своим духовным и социальным „максимализмом“ <...> Ибо только этот духовный максимализм, это „скифство“ – открывают путь к... подлинному освобождению человека...“⁶¹.

Но мещанство – это не только европейское явление; оно, по мнению Блока и Белого, разлагает и российское общество. В дневниковых записях Блока встречаются довольно бескомпромиссные суждения о современниках: „...вы, люди, – свиньи <...>

⁵⁹ Блок, А. А. *Собрание сочинений в восьми томах, т. 7. Автобиография, 1915. Дневники, 1901 – 1921.* Москва – Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1963; с. 279-280.

⁶⁰ Бунин, И. А. *Воспоминания.* Париж: Лев, 1950; с. 222.

⁶¹ Иванов-Разумник, Р. В. *Испытание в грозе и буре.* In: *Александр Блок: Pro et contra.* Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 281-282.

Вы слепы, вы несчастны, копайтесь в политике... и не поднимайте рыла к сияющим вершинам...⁶².

Подобные мысли испытывал и Белый: „Мы разучились летать: мы тяжело мыслим, тяжело ходим, нет у нас подвигов, и хиреет наш жизненный ритм: легкости, божественной простоты и здоровья нам нужно; тогда найдем мы смелость пропеть свою жизнь...⁶³.

Люди, относящиеся к жизни с таким юношеским максимализмом, не могли оставаться в стороне от событий, происходящих с Россией. В нем заключается причина, по которой оба поэта не только приняли новую власть, но и стали сотрудничать с ней. Из записок Блока видно, что его надежды на демократические изменения в стране были связаны с Лениным и его партией еще до 25 октября 1917 года. Рассуждая по поводу готовящегося вооруженного восстания, 19 октября он записывает в дневнике: „Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране“⁶⁴.

Не все из современников Блока и Белого с пониманием отнеслись к их убеждениям. Весьма наглядным представляется нам телефонный разговор Блока с Зинаидой Гиппиус, приведенный в мемуарах поэтессы:

„– Вы с большевиками, и забыли Россию. Ведь Россия страдает!

– Ну, она не очень-то и страдает...

У меня дух перехватило <...>

– Александр Александрович. Я понимаю, что Боря может... Если он с большевиками – я пойму. Но ведь он – ‚потерянное дитя‘. А вы! Я не могу поверить, что вы... Вы!“⁶⁵

Как известно, многие писатели и поэты не поддержали большевиков; все российское общество после Октябрьского переворота раскололось на два непримиримых лагеря, так что непонимание было взаимным. В статьях и личных записях того периода Блок нередко позволяет себе резкие выпады в сторону интеллигенции: „Происходит совершенно необыкновенная вещь...: ‚интеллигенты‘, люди, проповедовавшие революцию, ...оказались ее предателями. Трусы,

⁶² Блок, А. А. *Собрание сочинений в восьми томах, т. 7. Автобиография, 1915.*

Дневники, 1901 – 1921. Москва – Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1963; с. 112.

⁶³ Белый, А. *Критика. Эстетика. Теория символизма в 2-х томах, т. 2.* Москва: Искусство, 1994; с. 60.

⁶⁴ Блок, А. А. *Собрание сочинений в восьми томах, т. 7. Автобиография, 1915.*

Дневники, 1901 – 1921. Москва – Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1963; с. 312.

⁶⁵ Гиппиус, З. Н. *Живые лица: воспоминания, стихотворения.* Москва: Русская книга, 2002; с. 34-35.

натравливатели, прихлебатели буржуазной сволочи⁶⁶. Людей своего круга Блок обвинял в том, что они стали „надмеваться, ухмыляться, плакать, ломать руки, ахать над Россией, над которой пролетает революционный циклон“⁶⁷. Белый придерживался такого же мнения. В одном из своих эссе он писал: „Когда все вокруг рушится, это вовсе не значит, что рушится мир; представленья о мире нам надо расширить, ...падение неба вокруг означает, что новое небо восходит“⁶⁸.

Антагонизм между поэтами и их критиками еще более усилился после появления в печати поэм „Двенадцать“ и „Христос воскрес“. Хотя, надо заметить, сомнения по поводу происходящего посещали и Блока и Белого. Читая личные записи поэтов и их статьи, мы можем встретить много противоречивых высказываний. Так Блок с одной стороны обращается к интеллигенции с призывом: „Всею телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию“⁶⁹, а с другой – испытывает страх и смятение после убийства депутатов Учредительного собрания от партии кадетов А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина. „Внутри дрожит“⁷⁰, – пишет он в своем дневнике после этого трагического события, а на следующий день: „Выпитость. На днях, лежа в темноте с открытыми глазами, слышал гул, гул: думал, что началось землетрясение“⁷¹. Блок и пытается оправдать крестьян, разграбивших усадьбу его деда – знаменитого ученого А. Н. Бекетова⁷², и признается: „Бурная злоба и что-то особенно скребет на душе“⁷³. Забегая вперед, отметим, что очарование революцией пройдет, очень скоро и Блок и Белый сами убедятся в тщетности своих утопических мечтаний.

Наиболее тяжелыми для поэтов были годы Военного коммунизма и Гражданской войны. Мы не будем приводить здесь цитаты из писем Белого, в которых он жалуется на нехватку средств к существованию. Ясно, что многие в те годы испытывали нужду и лишения. Вся эта гнетущая атмосфера привела к тому, что Блок после поэмы „Двенадцать“ практически перестал писать. Из того немногочисленного, что было создано им в те годы, дошли до нас стихи, посвященные предметам первой

⁶⁶ Блок, А. А. *Собрание сочинений в восьми томах, т. 7. Автобиография, 1915.*

Дневники, 1901 – 1921. Москва – Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1963; с. 318.

⁶⁷ Блок, А. А. *Искусство и революция.* Москва: Современник, 1979; с. 226.

⁶⁸ Белый, А. *Песнь солнценосца.* In: *Скифы, сборник № 2.* Петроград: Скифы, 1917 – 1918; с. 7.

⁶⁹ Блок, А. А. *Искусство и революция.* Москва: Современник, 1979; с. 227.

⁷⁰ Блок, А. А. *Записные книжки 1901 – 1920.* Москва: Художественная литература, 1965; с. 383.

⁷¹ Там же.

⁷² см. Блок, А. А. *Собрание сочинений в восьми томах, т. 7. Автобиография, 1915.*

Дневники, 1901 – 1921. Москва – Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1963; с. 353.

⁷³ Блок, А. А. *Записные книжки 1901 – 1920.* Москва: Художественная литература, 1965; с. 394.

необходимости. Это не совсем типичные для Блока стихотворения. Их отличает легкий, нарочито игривый тон, но понятно, что написаны они были человеком, лишенным всяких надежд и иллюзий:

*Не взыщи, что щи не густы –
Будут жиже впереди,
Не ропщи, когда в Прокруста
Превратят – того гляди...*

И далее – горькая ирония по отношению к самому себе:

*Но носящему котомки
И капуста – ананас,
Как с прекрасной незнакомки,
Он с нее не сводит глаз... (Стихи о предметах первой необходимости)*

Блок не дождался того времени, когда писатели начали испытывать не только трудности, касающиеся насущных проблем, но и идеологическое давление со стороны властей. А если и испытывали, то не в той мере, в какой это довелось Белому. Вернувшись в 1923 году после двухлетнего пребывания за границей в Советскую Россию, он почувствовал, что „вернулся в свою ‚могилу‘..., крупные‘ заслуги мои оказались настолько препятствием к общению со мною, что самое появление мое в общественных местах напоминало скандал... Я был ‚живой труп‘; ...был момент, когда мелькнула странная картина меня, стоящего на Арбате... с протянутой рукою: ‚Подайте бывшему писателю‘⁷⁴.

В 1928 году он уже откровенно высказывает свои претензии к советской власти, обвиняя ее в том, что она „перерождается в обычную власть и в этом перерождении становится из власти Советов советскою властью, стало быть, властью обыною, ...и нынче я, толстовец-непротивленец, могу лишь высказывать пожелания, чтобы ‚советизм‘ был гибче понят в органах власти⁷⁵.

В 1918 году Блок укорял Зинаиду Гиппиус в том, что она не видит „октябрьского величия за октябрьскими гримасами⁷⁶, но, как мы теперь видим, несмотря на воодушевление, с которым Блок и Белый встретили революцию, они сами не могли эти „гримасы“ не замечать. Возможно, благодаря именно этой гамме

⁷⁴ Белый, А. *Символизм как миропонимание*. Москва: Республика, 1994; с. 483.

⁷⁵ Там же; с. 474-475.

⁷⁶ Блок, А. А. *Собрание сочинений в восьми томах, т. 7. Автобиография, 1915. Дневники, 1901 – 1921*. Москва – Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1963; с. 336.

переживаний, противоречивым чувствам и эмоциям, возникли такие значимые произведения русской литературы, как поэмы „Двенадцать“ и „Христос воскрес“.

2.2 История создания поэм „Двенадцать“ и „Христос воскрес“ и наиболее типичные отзывы современников на их появление

Для Блока первые месяцы после Октябрьского переворота были очень плодотворными: почти одновременно им были написаны три важных, программных произведения, о которых мы уже упоминали, – это стихотворение „Скифы“, статья „Интеллигенция и революция“, поэма „Двенадцать“. О поэме известно, что она была написана менее чем за два месяца – первая запись в дневнике Блока с упоминанием этого названия датирована 8 января 1918 года, а уже 18 февраля поэма была напечатана в газете „Знамя труда“⁷⁷.

О самом процессе создания „Двенадцати“ Блок пишет на удивление скупое (намного больше внимания он уделял отзывам и критическим статьям, появившимся после публикации поэмы). Представляет интерес запись от 29 января: „Сегодня – я гений“⁷⁸, возможно, связанная с окончанием основной работы над поэмой, и более-менее развернутая запись от 17 февраля: „Двенадцать – отделка, интервалы <...> Люба сочинила строчку: ‚Шоколад Миньон жрала‘, вместо ею же уничтоженной: ‚Юбкой улицу мела““⁷⁹.

Некоторые литературоведы связывают рождение замысла „Двенадцати“ с убийством 7 января 1918 года А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина, о котором мы упоминали выше. Историк литературы М. Л. Спивак, ссылаясь на воспоминания современников Блока, считает, что именно „это потрясение породило творческий импульс“⁸⁰ у поэта, и далее она приводит отрывок из воспоминаний А. М. Ремизова: „Помню, после убийства Шингарева и Кокошкина говорили мы с Блоком по телефону... и Блок сказал мне, что над всеми событиями, над всем ‚ужасом‘ слышит он – музыку, и писать пробует. А это он ‚Двенадцать‘ писал“⁸¹.

Связь между возникновением поэмы и убийством депутатов видит и Л. К. Долгополов: „Не исключено, что именно зафиксированное Блоком в записной книжке и

⁷⁷ см. Блок, А. А. *Полное собрание сочинений в двух томах*, т. 2. Ленинград: Советский писатель, 1946; с. 575.

⁷⁸ Блок, А. А. *Записные книжки 1901 – 1920*. Москва: Художественная литература, 1965; с. 387.

⁷⁹ Там же; с. 388.

⁸⁰ Спивак, М. Л. *Андрей Белый – мистик и советский писатель*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2006; с. 141.

⁸¹ Там же; с. 142.

глубоко взволновавшее его событие послужило непосредственным толчком к созданию центрального ...эпизода, связанного с убийством Катьки, – с той, однако серьезной оговоркой, что Блок готов был видеть в происшедшем некую ‚норму‘. Революция была для него проявлением фатальных и неконтролируемых сил⁸².

Исследователь творчества Блока О. П. Смола объединяет создание ‚Двенадцати‘ со статьей ‚Интеллигенция и революция‘. По его мнению, оба этих произведения ‚питались из одного источника, одним комплексом идей и переживаний. В известном смысле ‚Двенадцать‘ можно считать поэтическим эквивалентом ‚Интеллигенции и революции‘, а ‚Интеллигенцию и революцию‘ – философско-эстетическим комментарием к ‚Двенадцати‘⁸³.

Согласимся с мнением ученого, хотя бы потому, что два произведения, написанные одним автором в одно и то же время, просто не могут не иметь общих идейных точек соприкосновения. Да и в образном ряду обоих текстов мы находим явное сходство: в статье Блок критикует русское духовенство, буржуазию, коллег-писателей; в поэме те же персонажи – товарищ поп, писатель-вития, буржуй – удостаиваются наиболее злой, язвительной насмешки. Кроме того, в подтверждение мысли Смолы можно привести отрывок из краткой записки к ‚Двенадцати‘, написанной Блоком в 1920 году: ‚...во время и после окончания ‚Двенадцати‘ я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг – шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира)⁸⁴. В 1918 году в своей статье он как раз и призывал интеллигенцию услышать этот шум – ‚ту великую музыку будущего, звуками которой наполнен воздух, и не выискивать отдельных визгливых и фальшивых нот в величавом реве и звоне мирового оркестра‘⁸⁵.

Одним из первых отреагировал на появление ‚Двенадцати‘ Андрей Белый. ‚Ты слишком неосторожно берешь иные ноты‘, – пишет он Блоку в письме 16 (или 17) марта. – ‚Помни – Тебе не ‚простят‘ ‚никогда‘...‘⁸⁶. В письме нет прямого упоминания о поэме, но, видимо, Блок понял, о чем идет речь, потому что в ответном письме просит Белого, чтобы тот ‚не пугался ‚Двенадцати‘⁸⁷.

⁸² Долгополов, Л. К. *Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков*. Москва – Ленинград: Наука, 1964; с. 161.

⁸³ Смола, О. П. ‚Черный вечер, белый снег...‘: *Творческая история и судьба поэмы А.Блока „Двенадцать“*. Москва: Наследие, 1993; с. 23.

⁸⁴ Блок, А. А. *Полное собрание сочинений в двух томах, т. 1*. Ленинград: Советский писатель, 1946; с. 601.

⁸⁵ Блок, А. А. *Искусство и революция*. Москва: Современник, 1979; с. 227.

⁸⁶ Белый, А., Блок, А. А. *Переписка 1903 – 1919*. Москва: Прогресс – Плеяда, 2011; с. 513.

⁸⁷ Там же; с. 514.

Эта переписка (и короткое замечание Белого из его письма к Иванову-Разумнику о том, что „стихи ,12‘ – уже слишком: с ними я не согласен“)⁸⁸ позволила некоторым исследователям прийти к выводу, что Белый критически отнесся к произведению Блока. Долгополов, например, уверен, что Белый не признал поэму Блока и создал свою – „Христос воскрес“ – в „прямой полемике с ,Двенадцатью‘, но используя отдельные элементы поэтики этой поэмы“⁸⁹.

По мнению М. Пьяных, Белый, как и в предыдущие годы, попытался подправить, идейно подкорректировать Блока. „В связи с этим стремлением Белый в своей поэзии начал как бы повторять Блока, что стало особенно заметным в годы Октябрьской революции, когда вслед за поэмой Блока ,Двенадцать‘ появилась во многом похожая на нее поэма Белого ,Христос воскрес‘...“⁹⁰. Кроме того, Пьяных предполагает, что Белый „был близок к тем литераторам, которые не приняли ,Двенадцати‘ главным образом за то, что в них впереди красногвардейцев шел Христос“⁹¹. Именно этот образ хотел „подкорректировать“ Белый в своем произведении, лишить его „ничтожества тлетворной плоти“⁹², а потому в поэме „Христос воскрес“ мы видим „отсутствие почти всего конкретно-исторического, природно-чувственного и интимно-личного, которое было в ,Двенадцати‘, а вместо человека (людей) – идея“⁹³.

Близость поэмы „Христос воскрес“ к поэме „Двенадцать“ признавалась, пожалуй, всеми исследователями творчества Белого. В какой-то мере не отрицал этого и сам поэт. По крайней мере, в предисловии к своей поэме он отмечает, что она „была написана приблизительно в эпоху написания ,Двенадцати‘ Блока; вместе с ,Двенадцатью‘ она подверглась кривотолкам...“⁹⁴.

Одним из первых обе поэмы проанализировал Иванов-Разумник. Рассматривая поэму „Христос воскрес“, он предпринял попытку соединить социализм с религиозностью. Для него христианство и социализм – „две вселенские идеи, две мировые волны, идущие одна вслед за другою, сметающие собою мир старый,

⁸⁸ Белый, А., Иванов-Разумник Р. В. *Переписка*. Санкт-Петербург: Atheneum, Феникс, 1998; с. 159.

⁸⁹ Долгополов, Л. К. *Начало знакомства. О личной и литературной судьбе Андрея Белого*.
Ип: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Москва: Советский писатель, 1988; с. 82.

⁹⁰ Пьяных М. *Певец огневой стихии. Поэзия А. Белого революционной эпохи 1917 – 1921 годов*.
Ип: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Москва: Советский писатель, 1988; с. 243.

⁹¹ Там же; с. 262.

⁹² Там же; с. 263.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Белый, А. *Стихотворения и поэмы*. Москва – Ленинград: Советский писатель, 1966; с. 557.

выносящие нас с собою в мир новый⁹⁵. С этой точки зрения он и подходит к поэме Белого. Советская Россия в его представлении – это новый Назарет, а Белый – глашатай новой правды, „новой благой вести“⁹⁶. Критик не скрывает, что поэма не лишена недостатков, но в целом это произведение, в котором „мы более видим живую душу новой России, чем в десятке произведений плачущих и панихидствующих, злобствующих и проклинающих“⁹⁷.

Иванов-Разумник причисляет и Блока к тем „глашатаям“, которые „чутко чувствуют... то новое мировое, что идет теперь в грозе и буре революции“⁹⁸. Его статья „Испытание в грозе и буре“, посвященная поэме „Двенадцать“, представляет собой яркий пример скифской идеологии и утопического восприятия революции. Критик рассматривает русскую революцию как „освобождение полное: физическое, социальное, духовное“⁹⁹, она „испепелит... старый мир, сорвет маску с всесветного мещанина Атланта и даст в будущем победу ‚скифу‘...“¹⁰⁰.

Безусловной заслугой Иванова-Разумника является то, что он подробно и обстоятельно подошел к рассмотрению тематики поэмы и к разбору ее символики. Многие его мысли кажутся нам довольно интересными. Он, например, не идеализирует красногвардейцев. Пусть они и идут, как он считает, „против мирового Атланта“¹⁰¹, все же он откровенно называет их убийцами и злодеями. Он не отделяет происходящее в поэме от реальной действительности: „Двенадцать“ – поэма о революционном Петербурге конца 1917 – начала 1918 года, поэма о крови, о грязи, о преступлении, о падении человеческого¹⁰². Он даже не подвергает критике финал поэмы, споры вокруг которого продолжаются до сих пор. Для него Христос не может „не идти впереди этих ‚двенадцати‘, если подлинно за ними, хотя бы и помимо них, стоит то мировое, которое слышится нам теперь в грозе и буре“¹⁰³.

Иванов-Разумник принадлежал к тем критикам, которые поддержали Белого и Блока. Известно, что так поступили не все. Из-за „Двенадцати“ от Блока отвернулись

⁹⁵ Иванов-Разумник Р. В. *Весть весны*. In: *Андрей Белый: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 669.

⁹⁶ Там же; с. 670.

⁹⁷ Там же; с. 676.

⁹⁸ Иванов-Разумник, Р. В. *Испытание в грозе и буре*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 261.

⁹⁹ Там же; с. 269.

¹⁰⁰ Там же; с. 287.

¹⁰¹ Там же; с. 266.

¹⁰² Иванов-Разумник, Р. В. *Испытание в грозе и буре*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 262.

¹⁰³ Там же.

многие его друзья и знакомые. Но нельзя сказать, что среди тех, кто принял поэму, все трактовали ее с одинаковых позиций. Андрей Белый на заседании Вольной Философской Ассоциации 28 августа 1921 года, посвященном памяти Блока, привел два примера ошибочного толкования поэмы: черносотенное и партийное. С точки зрения приверженцев первого, „Александр Александрович перестал быть певцом ‚Прекрасной Дамы‘, появились у него в поэзии тройки и вино, и вообще его муза стала широкой русской душой“¹⁰⁴. Вторые же выхватывали из поэмы два-три лозунга, а самому Блоку выделили „скромное место на той скамейке, на которой первое место занимает Демьян Бедный“¹⁰⁵.

Мы уже упоминали о том, что Блок не оставлял без внимания отзывы и рецензии на свою поэму. Дважды, в дневнике и в записной книжке, он называет самыми умными критиками марксистов. Большевики положительно отнеслись к поэме, но не приветствовали ее публичное исполнение. Их опасения в первую очередь были связаны с появлением Христа в финале поэмы. „Марксисты умные, – может быть, и правы. Но где же опять художник и его бесприютное дело?“¹⁰⁶ – написал в записной книжке Блок 9 марта 1918 года.

Поддерживали „Двенадцать“ не только в Советской России, но и за границей. Николай Бердяев, при всем своем несогласии с позицией Блока и Белого, выступил, правда, уже после смерти Блока, со статьей „В защиту Блока“. На наш взгляд, философ был совершенно прав, когда написал, что Блоку была присуща „большая тоска по космическому преображению в красоте. Была минута, когда он в большевицкой революции пытался увидеть начало космического преображения и Прекрасную Даму. Потом он с ужасом оттолкнулся от ее уродства“¹⁰⁷. Кроме того, полемизируя с критиками поэмы „Двенадцать“, Бердяев отстаивает право поэта на творческую свободу (это в немалой степени перекликается с вышеприведенной записью из записной книжки Блока): „Сами творческие искания и блуждания человека имеют значение для уготовления и преображения мира, для нового неба и новой земли. <...> В мир преображенный войдет творческое воображение и видение поэта, войдут его образы, как особого ряда реальности“¹⁰⁸.

¹⁰⁴ Белый, А., Иванов-Разумник, Р. В., Штейнберг, А. З. *Памяти Александра Блока*. Томск: Водолей, 1996; с. 47.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Блок, А. А. *Записные книжки 1901 – 1920*. Москва: Художественная литература, 1965; с. 394.

¹⁰⁷ Бердяев, Н. А. *В защиту А. Блока*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 454.

¹⁰⁸ Там же; с. 455.

Среди тех, кто положительно отозвался о поэме Блока, были О. Мандельштам, М. Волошин, А. Толстой; в эмигрантской среде, например, П. Струве и Ф. Степун. Некоторые, наиболее интересные, на наш взгляд, трактовки и интерпретации „Двенадцати“ мы рассмотрим в следующей главе, а сейчас поговорим об отрицательных оценках и неприятии поэмы.

Отрицательным было отношение к „Двенадцати“ И. Бунина, Ф. Сологуба, Н. Гумилева. В записной книжке Блока имеется запись (от 13 мая 1918 г.) о том, что его давний друг Вл. Пяст, А. Ахматова и Ф. Сологуб отказались выступить с ним вместе на одном вечере¹⁰⁹. Поэт-футурист А. Крученых считал, что в поэме „все торчит, сшито белыми нитками, не серое даже, а рябое“¹¹⁰.

Самым непримиримым критиком оказалась, пожалуй, З. Гиппиус. Сначала ее негодование вызвала статья „Интеллигенция и революция“, затем – „Двенадцать“ и „Христос воскрес“. В своих воспоминаниях она пишет: „...что требовать от Блока, если „христианнейший антропософ“ А. Белый в это время написал поэму „Христос Воскресе“, – не имевшую успеха, ибо неудачную, – однако столь ужасную по кощунству, что никакие блоковские красноармейцы в сравнение с ней идти не могли. Об А. Белом думалось с жалостью и презреньем. О Блоке – с жалостью и болью“¹¹¹.

Как нам кажется, неприятие поэм Блока и Белого было связано в первую очередь не и с их художественными недостатками, а отрицательным отношением критиков к самой революции. Особенно это характерно для Бунина и Гиппиус. В своих воспоминаниях, написанных в эмиграции, Бунин ставит Блоку в вину, что тот „...перешел к большевикам, стал личным секретарем Луначарского, после чего написал брошюру „Интеллигенция и Революция“, стал требовать: „Слушайте, слушайте, музыку революции!“ и сочинил „Двенадцать“, написав в своем дневнике для потомства очень жалкую выдумку: будто он сочинял „Двенадцать“ как бы в транс...“¹¹². О поэме он высказывается не менее жестко: „Что до „Двенадцати“, то это произведение и впрямь изумительно, но только в том смысле до чего оно дурно во всех отношениях“¹¹³.

Другой оппонент Блока, также видный деятель русской эмиграции, – П. Сувчинский – выступил с более взвешенной критикой. В предисловии к первой публикации поэмы в Болгарии в 1920 году он, правда, обвинил Блока в том, что тот

¹⁰⁹ Блок, А. А. *Записные книжки 1901 – 1920*. Москва: Художественная литература, 1965; с. 406.

¹¹⁰ Крученых, А. Е. *Язвы Аполлона*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 302.

¹¹¹ Гиппиус, З. Н. *Живые лица: воспоминания, стихотворения*. Москва: Русская книга, 2002; с. 36.

¹¹² Бунин, И. А. *Воспоминания*. Париж: Лев, 1950; с. 213-214.

¹¹³ Там же; с. 215-216.

нарушил „чистоту собственных принципов воплощения“¹¹⁴ и ошибочно предсказал „недолговечность его поэмы как художественного произведения“¹¹⁵, но хотя бы признал, что Блок сумел подойти к революции „близко-близко, бесстрашно, пристально взглядеться в темные недра ее исступленных грехов, уловить напряженным... слухом биение ее измученного, соблазненного, но праведного сердца“¹¹⁶.

Перечислить все отзывы и критические оценки как современников Блока и Белого, так и последующих исследователей их творчества не представляется возможным. В кратком обзоре мы попытались показать, что даже несмотря на многочисленную критику и непонимание, появление обеих поэм явилось, несомненно, ярким художественным событием для современников поэтов и продолжает оставаться таким и по сей день.

¹¹⁴ Сувчинский П. П. <Предисловие к кн.: А. Блок. Двенадцать>. In: Александр Блок: *Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 312.

¹¹⁵ Там же; с. 307.

¹¹⁶ Там же.

3. Сравнительный анализ поэм

3.1 Жанр

Приступая к рассмотрению жанра поэм „Двенадцать“ и „Христос Воскрес“, следует указать, что здесь мы сталкиваемся с некоторыми сложностями. Имеющиеся в нашем распоряжении словари-справочники приводят отличающиеся друг от друга толкования термина „поэма“ и определения ее жанровой принадлежности: словарь литературоведческих терминов 1974 года относит поэмы к одному из видов лиро-эпического жанра, „Поэтический словарь“ А. П. Квятковского – к эпическому и лирическому, *Slovník literární teorie* под редакцией Ш. Влашина – к эпическому и лиро-эпическому.

Нет единого мнения у литературоведов и в отношении рассматриваемых нами поэм. Противоречащие друг другу высказывания можно встретить не только в работах разных исследователей, но и в книге одного автора. В частности, Долгополов, исследуя развитие русской поэмы от конца XIX века до 1918 года, сначала называет Блока „автором первой революционной эпической поэмы“¹¹⁷, затем пишет, что „Двенадцать“ – это „категорический отказ от традиционной эпической формы повествования, от сюжетно-повествовательной манеры, от новеллистичности и бытовой доказательности“¹¹⁸, а через несколько строк снова возвращается к термину „эпопея“: „Блок восстановил в правах жанр поэмы как эпопеи, повествующей о важнейших событиях в жизни всего народа“¹¹⁹. Из этих трех высказываний наиболее верным, на наш взгляд, является второе. Оно же справедливо и по отношению к поэме Белого, сюжетная линия в которой практически не прослеживается.

Если рассмотреть эволюцию русской поэмы со времен Пушкина до революции 1917 года, то можно увидеть, что, начиная с эпохи романтизма, в поэзии явно доминирует субъективность, исповедальность, повышенная эмоциональность – те художественные приемы, которые более характерны для лирической поэзии, чем для эпической. Эта тенденция типична для творчества всех символистов. В общем смысле слова модернизм рубежа XIX – XX веков явился возрождением тех литературных настроений, которые были популярны в первой половине XIX века. Романтиков и символистов, помимо всего прочего, объединял интерес к фольклору, мифам, легендам,

¹¹⁷ Долгополов, Л. К. *Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков*. Москва – Ленинград: Наука, 1964; с. 144.

¹¹⁸ Там же; с. 145.

¹¹⁹ Там же.

эзотерике. А одной из главных задач символистов, как мы знаем, было отображение чувств, душевных переживаний лирического героя, который к тому же нередко в сознании читателя отождествлялся с личностью самого автора.

„V neoromantismu se centrem literárního zájmu stává podobně jako za romantismu jedinec se svými vnitřními rozpory, což je podnětem rozvoje lyrických žánrů a současně jejich výraznější diferenciaci od epiky, ovlivněné realistickou prózou“¹²⁰.

Развитие русской поэзии привело к тому, что появились поэмы лирические, среди основных черт которых можно выделить ослабление эпического сюжета, интимность, эффект слияния автора и лирического героя (одним из наиболее ярких произведений этого типа является поэма В. В. Маяковского „Флейта-позвоночник“, написанная в 1915 году).

„Poéma nabývá koncem století výrazně lyrické podoby. Tento posun v poetice souvisel přirozeně i s vlastní diferenciací žánrů. Vzhledem k nebývalému rozvoji prózy v období realismu... vysloveně syžetové poémy ustupují začátkem 20. stol. do pozadí. Zatímco v romantické poémě tvořil lyrický prvek jakýsi výtvarný doprovod či psychický podtext, stává se v této době lyrika vlastní substancí tohoto žánru, což předznamenává i jeho další vývoj“¹²¹.

Следующее нововведение, характерное для символической поэзии, – это создание „лирических циклов“ – сборников стихотворений, объединенных одной темой и одним лирическим героем. Д. Кшицова в упоминаемой выше работе указывает на определенное влияние, которое „циклы“ оказали на жанровую эволюцию поэмы. Долгополов также проводит некую параллель между лирическими поэмами и поэтическими сборниками. Ссылаясь на высказывания самих поэтов по данному вопросу, он, помимо прочего, приводит мнение Андрея Белого, который о всем своем творчестве говорил „как о единой ‚поэме души‘, едином ‚романе в стихах““¹²².

Лирические циклы интересуют нас в связи с тем, что, по словам Долгополова: „В прямой зависимости от изменения характера связей между стихотворными жанрами находится... и то интересное определение, какое дал Блок в 1919 году своей последней поэме, когда неожиданно назвал ее, рядом стихотворений под общим заглавием

¹²⁰ Kšicová, D. *Poéma za romantismu a novoromantismu: rusko-české paralely*. Brno: Univerzita J.E. Purkyně, 1983; с. 109.

¹²¹ Там же; с. 100.

¹²² Долгополов, Л. К. *Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков*. Москва – Ленинград: Наука, 1964; с. 11.

„Двенадцать“¹²³. Подобное определение мы встречаем и в критическом отзыве Бунина, который охарактеризовал поэму Блока как „набор стишков, частушек, то будто бы трагических, то плясовых, а в общем претендующих быть чем-то в высшей степени русским, народным“¹²⁴.

Как известно, „Двенадцать“ остались в истории литературы поэмой, и, несомненно, это самая верная формулировка для этого произведения. Ни „набором стишков“, ни стихотворным циклом оно быть не может. Главным доводом для такого заключения может являться тот факт, что если, к примеру, каждое стихотворение из цикла „Стихи о Прекрасной Даме“, мы легко можем представить как самостоятельное произведение, то расчленив поэмы „Двенадцать“ или „Христос воскрес“, в сущности, невозможно. В первой поэме мы бы, пожалуй, нашли только одну главу, которая могла бы восприниматься в отрыве от всего текста – это третья глава, написанная на манер частушки. В поэме Белого таких отдельных стихов мы бы выделили три – 15, 23 и 24, но это не удивительно, ведь, как мы уже писали, в этой поэме лирическая составляющая превалирует над эпической формой повествования.

Подводя итог всему вышесказанному, мы делаем следующий вывод: обе поэмы не могут быть отнесены ни к лирическим циклам, ни к чисто лирическим поэмам. Обе поэмы затрагивают важные общественные и исторические события, однако причислить их к эпическому жанру не представляется нам возможным, так как в них также наблюдается отрывочность, незаконченность повествования, повторяющиеся мотивы, субъективность, эмоциональность, то есть в них присутствуют как эпические, так и лирические черты. На этом основании наиболее подходящим, как нам кажется, жанровым определением для обеих поэм будет – лиро-эпические.

3.2 Тема

Обе поэмы, как мы уже писали, появились через несколько месяцев после октябрьских событий 1917 года и стали художественным отображением того трагического и переломного периода российской истории, а потому Октябрьская революция – это главная тема данных произведений. Революция в представлении Блока и Белого являлась символом чего-то нового, символом возрождения России. „Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная,

¹²³ Долгополов, Л. К. *Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков*. Москва – Ленинград: Наука, 1964; с. 22.

¹²⁴ Бунин, И. А. *Воспоминания*. Париж: Лев, 1950; с. 217.

безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью“, – писал Блок в статье „Интеллигенция и революция“¹²⁵.

Не менее эмоционально выражено отношение к революции в статье А. Белого „Революция и культура“ (1917 г.): „Как подземный удар, разбивающий все, предстает революция; эволюция – в непрерывности формирования жизни; в эволюции революционная лава твердеет в плодоносящую землю, чтобы из семени встал зеленеющий юный росток“¹²⁶.

Подобной точки зрения придерживались многие писатели и поэты того времени. Достаточно вспомнить В. Маяковского, В. Брюсова, В. Хлебникова, Б. Пастернака. И они верили, что „právě nyní nastal ten pravý okamžik, jediný, dlouhou dobu očekávaná chvíle“¹²⁷. Та же идея обновления мира, что и в поэмах Блока и Белого, то же изображение революции, как стихии, присутствует в произведениях этих авторов.

*Что такое революция? – Буря,
Ураган, вырывающий с корнем
Столетние кедры,
Освежающий недра
Воздухом горним, –
Оживляющий все ураган,
Крушащая многое буря!* („Революция“)¹²⁸

Однако, несмотря на идейное сходство, все поэты разными способами подходили к воплощению своих замыслов. Основная разница между поэмами „Двенадцать“ и „Христос воскрес“ заключается, на наш взгляд, в общей эмоциональной тональности этих произведений. Блок изображает улицы зимнего Петрограда почти с документальной точностью, действие поэмы приближено к реальности настолько, насколько это позволяет художественное произведение. Некоторые литературоведы даже пытаются установить приблизительную дату происходящих событий. О. П. Смола считает, что речь идет о первой неделе января. По его словам, на это указывает „упомянутый в первой главе плакат с лозунгом „Вся власть Учредительному

¹²⁵ Блок, А. А. *Искусство и революция*. Москва: Современник, 1979; с. 221.

¹²⁶ Белый, А. *Символизм как миропонимание*. Москва: Республика, 1994; с. 297.

¹²⁷ Hřala, M. *Ruská moderní literatura 1890 – 2000*. Praha: Karolinum, 2007; с. 199.

¹²⁸ Брюсов, В. Я. *Избранные стихотворения*. [online] [cit. 22.4.2017]
URL: <http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/text_0040.shtml>.

Собранию! Такие плакаты эсеры вывесили на улицах города 3 и 4 января 1918 года. В ночь с 6 на 7 большевики разогнали Учредительное собрание¹²⁹.

Поэма Белого „Христос воскрес“, напротив, написана в отвлеченно-идеальной манере, мы бы даже сказали, в мажорных тонах. Повседневность, приметы конкретной исторической эпохи, отодвинуты в ней как бы на второй план. Разница наблюдается и в оценке происходящего. У Блока старый мир еще не свергнут, он „как пес паршивый“ неотступно следует за предвестниками новой жизни – двенадцатью красногвардейцами, которые, впрочем, мало похожи на апостолов, несущих благую весть. И конечная цель их пути вырисовывается очень смутно. Пока они только идут по темным улицам „без имени святого// Все двенадцать – вдаль.// Ко всему готовы,// Ничего не жаль“.

В поэме „Христос воскрес“ тоже описывается старый мир, но он присутствует не в конкретном месте и времени, а „таскается“, как пишет Белый, „по огромной, по темной Вселенной“. То, что происходит в России, он называет „мировой мистерией“, Россию – „Богоносицей, побеждающей Змия“, страной, которая приветствует нового Миссию, да и весь посыл поэмы – это ликующий панегирик человека, чувствующего себя победителем: „Есть –// Воскресение...// С нами –// Спасение...“.

Другими словами: „...poema Dvanáct... navazuje dojem jakoby všedního příběhu z petrohradské revoluční ulice <...> bývá běžně považována za nejautentičtější básnický dokument magmatické atmosféry, přímočaré ryзости a dynamiky jeho „dne prvního“¹³⁰.

О поэме же Белого можно сказать, что она „prostoupena blahými předtuchami, přitakávala životu a přítomnosti a pozdravovala budoucnost bez ohledu na to, že její představy o zítřku, o smyslu probíhajících převratů měly jen velice mlhavý, často vysloveně eschatologický ráz (například říjnový zlom interpretovaly jako potenciální předzvěst nového Kristova příchodu na svět)¹³¹.

На этом своеобразный поэтический диалог двух поэтов не заканчивается. Кроме конкретно-исторической тематики, в их поэмах подняты и общечеловеческие проблемы, а образ Христа, хоть и раскрыт по-разному, в обоих произведениях несет „vysoký etický ideál a jednotící filosofický princip, jež dávají zachycované revoluční empirii obecnější historický a snad i všelidský, mluveno tehdejší terminologií: kosmický smysl“¹³².

¹²⁹ Смола, О. П. „Черный вечер, белый снег...“: Творческая история и судьба поэмы А.Блока „Двенадцать“. Москва: Наследие, 1993; с. 31.

¹³⁰ Honzík, J. *Dvě století ruské literatury*. Praha: Torst, 2000; с. 247-248.

¹³¹ Там же; с. 258.

¹³² Там же; с. 248.

Об образе Христа мы поговорим ниже, а пока хотелось бы остановиться еще на одной интересной детали: оба поэта призывали читателей и критиков не искать политический смысл в своих поэмах. Причем Белый в этом отношении был более категоричен, чем Блок. В предисловии к поэме „Христос воскрес“ он написал: „Подчеркиваю: мотивы индивидуальной мистерии преобладают в этой поэме над мотивами политическими; обстановка написания поэмы заслонила от критиков основной момент поэмы: она живописует события индивидуальной духовной жизни; <...> ...тема поэмы – интимнейшие, индивидуальные переживания, независимые от страны, партии, астрономического времени“¹³³.

Белый не только свое „присоединение“ к коммунистической партии называл „вздором“, но и просил на заседании Вольной Философской Ассоциации не причислять Блока „к тем или другим партийным влияниям“¹³⁴. На том же заседании Белый прочитал записку Блока о „Двенадцати“. В ней Блок признавал некоторое влияние политики на свое произведение, но только в том смысле, что „поэма написана в ту исключительную, и всегда короткую, пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях – природы, жизни и искусства“¹³⁵, и то, что было написано им тогда, было написано „в согласии со стихией“¹³⁶. „Поэтому, те, кто видит в ‚Двенадцати‘ политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой...“¹³⁷.

Эти свидетельства самих поэтов являются дополнительным доказательством того, что тематика обеих поэм охватывает как актуальные проблемы, связанные с определенным историческим периодом, так и личные, а также вневременные, общечеловеческие.

3.3 Сюжет и композиция

Общей чертой обеих поэм является описание событий в их хронологической последовательности, хотя сюжетная линия в этих произведениях играет, на наш взгляд, второстепенную роль. В основном идейно-художественный замысел поэм раскрывается через внесюжетные элементы – лирические отступления, повторы, авторские ремарки,

¹³³ Белый, А. *Стихотворения и поэмы*. Москва – Ленинград: Советский писатель, 1966; с. 557.

¹³⁴ Белый, А., Иванов-Разумник, Р. В., Штейнберг, А. З. *Памяти Александра Блока*. Томск: Водолей, 1996; с. 44.

¹³⁵ Там же; с. 46.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

речь действующих лиц. На этом близость композиционных приемов, используемых Блоком и Белым, заканчивается. При более детальном разборе текстов мы обнаружим больше различий в их художественной организации, чем сходств, а так же выявим те индивидуальные особенности поэм, которые делают их уникальными явлениями в русской литературе.

Поэма Блока „Двенадцать“ описывает события, которые происходят в довольно ограниченный отрезок времени. Возможно, речь идет даже не о часах, а о нескольких минутах. Одним из доказательств этого предположения может служить образ буржуя, стоящего на перекрестке. Он появляется в первой главе: „...И буржуй на перекрестке// В воротник упрятал нос“. В девятой главе он все еще продолжает стоять на том же месте и в том же состоянии: „...Стоит буржуй на перекрестке// И в воротник упрятал нос“.

Пространство поэмы так же ограничено небольшим участком: действие происходит на одной из Петроградских улиц и прилегающих к ней переулках.

В целом сюжет поэмы предельно прост: зимний вечер, по скользким, заваленным снегом, дорожкам пробираются случайные прохожие, слышны обрывки разговоров. Сквозь ветер и снег идет отряд красногвардейцев. С его появлением начинает вырисовываться основная лирико-драматическая линия поэмы – любовная история одного из „ребят“ и последующее убийство его возлюбленной.

Смерть Катьки в шестой главе – это единственное значительное событие, происходящее в поэме, кульминационный момент всего повествования. По мнению О. П. Смола, любовная коллизия имеет большое значение для общего смысла „Двенадцати“, „лишь с ней связано внешнее действие в поэме. Более того, ...последствия случившейся драмы сказываются и на течении остальных глав..., глобальный смысл которых, казалось бы, напрочь вытеснил в конце концов узко-любовный конфликт“¹³⁸.

Действительно, по мере развития сюжета двенадцать красногвардейцев претерпевают определенные внешние и внутренние изменения: из достаточно сомнительных личностей („В зубах – сигарка, примят картуз,// На спину б надо бубновый туз!“) они превращаются в организованный революционный отряд, который идет вдаль „державным шагом“. Этим изменениям придавал большое значение и М. Волошин, подробно разобравший фабулу поэмы. Он считал, что „сущность поэмы не в

¹³⁸ Смолы, О. П. „Черный вечер, белый снег...“: *Творческая история и судьба поэмы А.Блока „Двенадцать“*. Москва: Наследие, 1993; с. 54.

фабуле, а в волнах тех лирических настроений, которые проходят сквозь душу двенадцати красногвардейцев, делающих ночной обход¹³⁹.

Однако, как нам кажется, настроение меняется не только у Петрухи и его товарищей. Существенно меняется общий тон поэмы, то есть авторская манера изложения. От разговорного стиля, простонародных словечек и частушечных ритмов автор постепенно переходит к торжественной интонации, а заканчивает философско-лирическим финалом, или, говоря словами Волошина, „симфоническим заключением“¹⁴⁰.

Индивидуальность поэмы „Двенадцать“ не в последнюю очередь заключается в ее языковых особенностях. „Монументальной драматической частушкой“¹⁴¹ назвал ее О. Мандельштам, центр тяжести которой „в композиции, в расположении частей, благодаря которому переходы от одного частушечного строя к другому получают особую выразительность, и каждое колено поэмы является источником разряда новой драматической энергии...“¹⁴². Но Блок не ограничивается только фольклорными мотивами. Язык поэмы настолько разнообразен и изменчив от главы к главе, что эта изменчивость задает ритм и динамику повествованию, а на смысловом уровне передает тревожную, нервную, наэлектризованную атмосферу ночного города в первые послереволюционные месяцы, „музыку революции“, слушать которую Блок призывал в статье „Интеллигенция и революция“.

Динамизм поэмы строится и на других композиционных особенностях, одним из которых является принцип контраста. С первой главы, с ее начальных строф задаются два главных цвета ночного Петрограда – черный и белый: „Черный вечер.// Белый снег“. И далее на протяжении всего повествования идет противопоставление „старого“ мира и „нового“, любви и ненависти, анархии и революционной дисциплины, атеизма и религиозности. Через это постоянное противопоставление поэт передает не только борьбу старого и нового, как бы внешнюю сторону революции, но и внутреннюю ломку человека, неизбежную при таких глобальных исторических катаклизмах, каким был октябрьский переворот для русского народа. Оттого и представители „нового“ мира – двенадцать красногвардейцев, апостолов революции – полны противоречивых мыслей и чувств. Достаточно проанализировать их отношение к религии. С одной

¹³⁹ Волошин, М. *Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 291.

¹⁴⁰ Там же; с. 294.

¹⁴¹ Мандельштам, О. Э. *А. Блок (7 августа 21 г. – 7 августа 22 г.)*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 414.

¹⁴² Там же.

стороны они отказываются от веры (в главе, в которой появляются красногвардейцы несколько раз повторяется фраза: „Эх, эх, без креста!“), осуждают Петруху за одно только упоминание Спаса, а с другой – обращаются к Богу за благословением:

*Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови –
Господи, благослови!*

И в финале поэмы, каким бы неопределенным и многозначительным он не был, именно за Христом идут красногвардейцы в неизвестную даль.

Следующая композиционная особенность поэмы Блока заключается в изображении конкретных примет зимы 1918 года. Все действие поэмы „Двенадцать“ разворачивается на фоне экстремальных природных явлений – это и пурга, и вьюга, и хлесткий ветер, и снег, и мороз. Причем все эти явления описаны в крайней степени динамичности. К примеру, ветер не просто дует, он наделен фактически человеческими свойствами:

*Ветер веселый
И зол и рад.
Крутит подолы,
Прохожих косит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат...*

На протяжении всего повествования разгулявшаяся природная стихия является как бы полноправным действующим лицом поэмы и одновременно играет символическую роль. Вьюга, ветер, сбивающий прохожих с ног, безусловно, у каждого читателя ассоциируются в первую очередь с революционными процессами, или, повторяя слова Блока, с „революционным циклоном“, пронсящимся тогда в России. Более того, в представлении поэта, ветер гуляет „на всем божьем свете“. Таким образом, Блок расширяет границы происходящего и переплетает между собой конкретность и обобщенность, реальные факты и символические образы.

Некоторые композиционные приемы, характерные для поэмы „Двенадцать“, мы находим и в поэме Белого. Например, он также как и Блок использует прием персонификации при описании погодных явлений:

*Мелкий
Дождичек стрекочет*

*И твердит:
„Третий
Интернационал“.*

Однако, в поэме „Христос воскрес“ погода не имеет существенного значения для понимания смысла поэмы и не участвует в развитии событий. Нет у Белого и конкретного времени и места действия – поэма охватывает двадцативековую историю всего человечества. Даже те немногие описания конкретных революционных событий, которые встречаются в поэме, относятся к абстрактному пригороду и абстрактной железнодорожной станции. Более-менее конкретным является изложение библейских событий, касающихся распятия Иисуса Христа, естественно, как их понимал сам автор. В трактовке Белого люди не поняли учения Христа и две тысячи лет „душа за душою валились в глухие тьмы“. Только благодаря свершившейся в России революции мир получил очередной шанс на спасение.

*В прежней бездне
Безверия
Мы, –
Не понимая,
Что именно в эти дни и часы –
Совершается
Мировая
Мистерия...*

Воскресение Христа и русская революция рассматриваются в поэме как события равноценные по своему значению. Революция для Белого „имеет откровенно мистериальный характер; это всеобщее обновление, в процессе которого вещественная ‚оболочка‘ мира сбрасывается, обнажая свое ‚духовное тело‘, ассоциируемое с идеей Христа, как неким божественным абсолютом“¹⁴³. Эта идея, на наш взгляд, предопределила сюжетно-композиционную структуру всего произведения: поэт делает акцент на духовном преображении мира и каждого отдельного человека, а любая конкретика для него „лишь внешний покров“¹⁴⁴, как сам он написал в предисловии к поэме. Из двадцати четырех глав только четыре напрямую посвящены реальной обстановке 1917 – 1918 годов. В них описывается перестрелка на улице, убийство железнодорожника, заваленные дровами ворота, обрывки телеграфных лент,

¹⁴³ Долгополов, Л. К. *Начало знакомства. О личной и литературной судьбе Андрея Белого.*
Ип: *Андрей Белый: Проблемы творчества.* Москва: Советский писатель, 1988; с. 83.

¹⁴⁴ Белый, А. *Стихотворения и поэмы.* Москва – Ленинград: Советский писатель, 1966; с. 557.

негодующий интеллигент. Семь первых глав весьма приблизительно излагают евангельские события, остальная же часть текста – это в основном лирические и философские размышления автора. Такая композиционная структура отразилась и на стилистических особенностях поэмы.

Одной из основных отличительных черт поэмы Белого является единая стилистическая манера изложения – „стиль, ...который можно назвать... стилем „пламенного энтузиазма“ или стилем страстной поэтической проповеди“¹⁴⁵. Если Блок в поэме „Двенадцать“ прибегает к разнообразным языковым приемам и тем самым добивается динамизма повествования, то Белый достигает подобного результата другими способами. Его стих нервный, дробящийся, строфы короткие, иногда расположены в форме „лесенки“. Кроме разговорной лексики, которую использовал и Блок, в поэме „Христос воскрес“ мы находим и авторские окказионализмы: омолоило лик, помавая кровавыми главами, выстроиваясь из земли и др. Нельзя ни упомянуть и оригинальную расстановку знаков препинания в поэме: помимо многочисленных и не всегда оправданных, как нам кажется, многоточий, в тексте часто встречаются тире, запятая рядом с тире и даже двоеточие с тире. Все эти стилистические, лексические, пунктуационные особенности поэмы вместе с многократными повторами создают ощущение порывистой, импульсивной звуковой тональности стиха, доходящей порой до полной дисгармонии, как, например, в этом отрывке:

Это жалкое, желтое тело

Проволакиваем:

Мы –

– В себя:–

Во тьмы

И в пещеры

Безверия,–

Не понимая,

Что эта мистерия

Совершается вами –

– в нас.

С другой стороны, если поэма Белого представляет собой отражение революционной эпохи, как понимал ее поэт, то эта дисгармоничность вполне

¹⁴⁵ Пьяных М. *Певец огневой стихии. Поэзия А. Белого революционной эпохи 1917 – 1921 годов*.
In: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Москва: Советский писатель, 1988; с. 254.

обоснована. В ней как бы заключена энергия революционных преобразований, противоречивость революции (которую чувствовал и Блок) и, конечно, чрезмерная эмоциональность, присущая Белому. Такая манера помогла поэту выразить свое настроение, свои мысли о России, которая рождалась в тот момент „в грозе и буре, – по словам Иванова-Разумника, – Россия скорбного настоящего, Россия радостного будущего, бичуемая и распинаемая, но пролагающая первые пути для новой мировой идеи...“¹⁴⁶.

3.4 Персонажи поэм

Все главные и второстепенные герои рассматриваемых нами поэм не раз были разобраны критиками и литературоведами, поэтому мы ограничимся лишь сравнением действующих лиц, присутствующих в поэмах, и выделим их отличительные черты.

3.4.1 Действующие лица

В обеих поэмах все действующие лица могли бы быть распределены по их отношению к происходящему: персонажи, олицетворяющие уходящий, „старый“ мир, и персонажи, которые являются представителями „нового“, революционного времени. Но, как нам кажется, не все герои попадают под эту четкую градацию. Даже в поэме „Двенадцать“, в которой, казалось бы, все построено на контрастах, и два мира ясно противопоставлены друг другу, некоторые действующие лица находятся как бы в промежуточном состоянии.

Перечислим всех действующих лиц в порядке их появления в поэмах. Начнем с поэмы Блока.

В первой главе мы видим практически всех персонажей, которые условно могут быть отнесены к „старому“ миру: старушка, буржуй, писатель-вития, поп, барыня, проститутки, бродяга. Их личностные качества автор раскрывает или через их речь, или сам делает ироничные замечания в их адрес. И основываясь на этих замечаниях, мы не можем с полной категоричностью причислить все эти персонажи к ярким сторонникам старого режима. То, что старушка „убивается – плачет, // Никак не поймет, что значит, // На что такой плакат“, не делает из нее реакционера. Точно также мы ничего не знаем о политических взглядах бродяги или проститутки. Единственное, что объединяет этих людей, – это их образ жизни, не приемлемый для нового светлого будущего, то есть они

¹⁴⁶ Иванов-Разумник Р. В. *Весть весны*. In: *Андрей Белый: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 675.

находятся где-то на границе между старым и новым укладом жизни. Весьма примечательно, что все действующие в первой главе люди, кроме буржуа, в дальнейших событиях участия не принимают, и прямой конфронтации между „старым“ и „новым“ на всем протяжении действия мы не наблюдаем. Преследование Ваньки и случайное убийство Катьки большее похоже на личный конфликт, чем на классовую борьбу.

Во второй главе на почти опустевшей улице показывается отряд из двенадцати красногвардейцев, репрезентирующих новую власть, и впервые упоминаются ключевые для развития сюжета персонажи – Ванька и Катька. Они появляются в четвертой главе вместе с еще одним эпизодическим персонажем – извозчиком, которого автор именует не иначе как „лихач“, чем вызывает у нас к нему определенное, не слишком позитивное, отношение. Во всем остальном тексте новые персонажи не встречаются, если, конечно, не считать голодного пса и, вызывающий многолетние полемики критиков, образ Христа в последней главе.

Перейдем к поэме „Христос воскрес“.

В основном личности действующих лиц в поэме Белого не конкретизированы. В первой, „исторической“ части, поэт говорит об абстрактной толпе народа, о ком-то, кто проволоч „точно желтую палку“ тело Христа в пещеру, о воинах в бронях. Более подробно поэт описывает „окровавленного, лохматого разбойника“, распятого вместе с Христом, а в целом первые пятнадцать глав посвящены „старому“ миру, не понявшему учения Мессии.

Переходя к современности, автор не слишком меняет свои художественные приемы. Белый упоминает каких-то людей, но почти не останавливаясь ни на ком персонально и нередко используя неопределенно-личные местоимения: „на кого-то напали“, „обороняясь от кого-то“, „под железными воротами – кто-то“.

В отличие от поэмы Блока, в которой реальная ситуация в первые месяцы после революции передается не в последнюю очередь через разговоры людей на улице, в поэме Белого больше „говорят“ предметы: голосят паровики, стрекочет мелкий дождичек и „твердит: „Третий Интернационал“, хохочет браунинг, „ответствуют знамена“ и т. д. Зато мы наблюдаем открытое столкновение двух миров – настоящий бой на железнодорожной станции. Иностранцем телом предстает в этой ситуации образ „очкастого, расслабленного“ интеллигента, без сомнения напоминающего писателя из поэмы „Двенадцать“. Но это единственный персонаж, который более-менее конкретизован и который до известной степени переключается с поэмой Блока. Некое сходство можно уловить в двух смертях, произошедших в поэмах. Но смерть железнодорожника в поэме „Христос воскрес“ ничего

не меняет в развитии сюжета и к тому же не вызывает каких бы то ни было эмоций у читателей. Кажется, и сам автор не воспринимает эту смерть трагически, по крайней мере, он считает вполне уместным сопроводить смерть человека такими стихами:

*На крик и на слезы –
Ответствуют паровозы,
Да хором
Поют о братстве народов...
Знамена отвечают
Лепетом.
И воробьи с пригородных огородов
Приветствуют
Щебетом –
Падающих покойников.*

Щебечущие воробьи и лепечущие знамена мало напоминают душевные терзания Петрухи из поэмы „Двенадцать“, но, видимо, для Белого действующие в его поэме персонажи – это „скорее не многогранные образы, а всего лишь иллюстрации к идеям, к тому же иллюстрации не оригинальные, а заимствованные, вторичные“¹⁴⁷.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы: оба поэта пытались показать через образы своих героев сложную послереволюционную ситуацию, неизбежное разделение страны на два непримиримых лагеря, растерянность некоторых людей из-за происходящего. Основным отличием в изображении персонажей является та мера детализирования, которую использовали поэты. Блоку удалось в коротких фразах и ремарках отобразить яркие, индивидуальные характеры (хотя и они являются своего рода символами). Персонажи поэмы Белого лишены индивидуальных черт, их душевное состояние статично, они „условные знаки“ широких символично-психологических обобщений¹⁴⁸, созданные поэтом лишь для того, чтобы передать собственные идеи и мироощущение.

3.4.2 Образ Христа

Отдельно остановимся на рассмотрении образа Христа в обеих поэмах, так как именно этот образ, с одной стороны, является ключевым для понимания этих

¹⁴⁷ Пьяных М. *Певец огневой стихии. Поэзия А. Белого революционной эпохи 1917 – 1921 годов*.
In: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Москва: Советский писатель, 1988; с. 260.

¹⁴⁸ Долгополов, Л. К. *Начало знакомства. О личной и литературной судьбе Андрея Белого*.
In: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Москва: Советский писатель, 1988; с. 29.

произведений, а с другой – неоднозначным и вызывающим множество интерпретаций. В первую очередь это относится к поэме Блока, в которой появление Христа в финале многие считали немотивированным и провокационным. Поэт-акмеист Георгий Адамович даже обвинил Блока в склонности к литературным эффектам: „Христос в конце... не кощунство в обычном смысле слова, не политическая ошибка, а образ невозможный, мучительно-легковесный и фальшивый – потому что нельзя же Христом пользоваться для литературного эффекта! А здесь именно эффект, под занавес“¹⁴⁹.

Обвинение Блока в кощунстве было одним из самым типичных в работах тех критиков, которые не приняли поэму (о некоторых мы упоминали выше). Но и среди поклонников „Двенадцати“ не было ясного понимания заключительных строк поэмы. Вызывает недоумение, например, мнение Долгополова о том, что „заключительная строфа... финалом эпопеи признана быть не может, потому прежде всего, что она идет вразрез с исторической концепцией самого Блока“¹⁵⁰. Еще более странным кажется нам его попытки исключить христианские мотивы из послереволюционной литературы: „Христос в поэме Блока – воплощение добра и справедливости. В этом смысле Блок имеет огромное количество ‚предшественников‘ из числа представителей самых разных видов искусства. <...> Блоковский Христос воскрешал уже умершую к этому времени традицию, хотя Блок связывал с ним значительное содержание... он шел не от жизни, а от книги, от неживой традиции“¹⁵¹. Трудно согласиться с этим мнением, так как, на наш взгляд, образ Христа в советское время раскрылся весьма оригинально в произведениях таких авторов, как В. Маяковский, С. Есенин, М. Булгаков и многих других, в том числе и А. Белого.

Из мемуаров Блока мы знаем, что поэт сам не мог объяснить появление Христа перед отрядом красногвардейцев. В феврале 1918 года в записной книжке он записал: „Что Христос идёт перед ними – несомненно. Дело не в том ‚достойны ли они его‘, а страшно то, что опять Он с ними, и другого пока нет...“¹⁵². Упоминание Блоком „другого“, как известно, также вызвало у критиков многочисленные споры, но мы не будем на этом останавливаться. Важнее то, что из записей Блока видно, что для него новые „апостолы“ хоть и „идут без имени святого“, но все же в сопровождении Спасителя.

¹⁴⁹ Адамович, Г. *Наследство Блока*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004; с. 592.

¹⁵⁰ Долгополов, Л. К. *Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков*. Москва – Ленинград: Наука, 1964; с. 147.

¹⁵¹ Там же; с. 148.

¹⁵² Блок, А. А. *Записные книжки 1901 – 1920*. Москва: Художественная литература, 1965; с. 388-389.

Гуманистический смысл христианства и его значение для обновления мира пытался донести и Белый в своем варианте описания революционных событий. Он считал, что двадцать веков на земле „Обнажались// Обманы// И ужасные// Страсти// Выбежавшего на белый свет// Сатаны“. Но после революции все изменилось, и хотя „злая, лающая тьма“ еще нападает из „вне-времени“, вселенское преображение началось с „Богоносицы“-России.

В отличие от „Двенадцати“, образ Христа в поэме Белого проходит через весь сюжет, более того, этот образ подан с „акцентированием экспрессивных и натуралистических деталей, обнаруживающих себе великие аналоги в немецкой живописи... – в „Мертвом Христе“ Г. Гольбейна Младшего и „Поругании Христа“ Грюневальда“¹⁵³, то есть основной упор автором был сделан на внешние описания. Христос у Белого не так многозначен, как в поэме „Двенадцать“; для поэта он – единственный источник нравственного совершенствования человечества, ориентир, к которому необходимо стремиться. Но его соотношение с революцией несколько натянуто, по крайней мере, Белому не удалось раскрыть эту идею достаточно убедительно. Возможно, именно поэтому в написанном позже предисловии к поэме он и отрешивался от какой бы то ни было связи поэмы с реальным 1918 годом (о чем мы писали в предыдущих главах).

Оба поэта подошли к изображению Христа с разных позиций, но каждый из них через этот универсальный символ соединяет „прошлое, настоящее и будущее, вводит русскую революцию в систему общечеловеческих ценностей в их исторической протяженности, указывая духовные пути перестройки и для России и для всего остального мира“¹⁵⁴.

3.4.3 Образ лирического героя

Нам представляется затруднительным выделить в обеих поэмах главного героя или персонажа, который занимал бы ведущее положение в повествовании. Но эту функцию в текстах в полной мере выполняют лирические герои, образы которых неотделимы от личностей самих авторов, и далее мы попытаемся рассмотреть их более детально, исходя из предположения, что именно они являются протагонистами в поэмах.

¹⁵³ Лавров, А. В. *Андрей Белый. Разыскания и этюды*. Москва: Новое литературное обозрение, 2007; с. 44.

¹⁵⁴ Смола, О. П. „Черный вечер, белый снег...“: *Творческая история и судьба поэмы А. Блока „Двенадцать“*. Москва: Наследие, 1993; с. 88.

Оба лирических героя имеют некоторое сходство, например, мы ясно можем нарисовать себе их психологический портрет, к тому же они оба являются единственными носителями идей, заложенных авторами в их произведениях. Главное отличие этих образов состоит в определении места, которое они занимают в описываемой действительности. Лирический герой в поэме Белого находится как бы в гуще событий, он или осуждает какие-то явления, или восхваляет происходящее. Он – трибун, с ярко выраженным субъективным отношением к происходящему, социально определившаяся личность. Более того, когда „поэт говорит о народе, о людях – участниках происходящей в России, но имеющей мировой смысл мистерии, он не отделяет себя от них, пользуясь для подчеркивания коллективизма характерным для революционного времени словом „мы“...“¹⁵⁵.

Совершенно другую позицию занимает лирический герой в поэме „Двенадцать“. Он лишь сторонний наблюдатель и не принимает никакого участия в происходящих событиях. Многие советские исследователи творчества Блока пытались связать лирического героя поэмы с революционным народом. Так, например, литературный критик Г. А. Ременик высказал следующее мнение: „Манера и приемы повествования в полной мере раскрывают перед нами образ представителя народа, который не только сочувствовал революции, но полностью был увлечен и захвачен ее могучим и неудержимым потоком“¹⁵⁶. Мы с этим мнением согласиться не можем. Как нам кажется, лирический герой занимает нейтральную позицию. Он выказывает свое отношение к некоторым персонажам, но описывает происходящее как беспристрастный документалист. Если сравнивать с поэмой „Христос воскрес“, то в данном случае ни о каком „мы“ речи не идет – лирический герой Блока не принадлежит ни к „старому“ миру, ни к „новому“.

То, что лирический герой в „Двенадцати“ захвачен „неудержимым потоком“ тоже кажется нам большим преувеличением. Он, наравне с буржуем, занимает неизменную позицию в повествовании, он никуда не движется и тем более не движется вместе с отрядом красногвардейцев.

Следующим отличием двух поэм является, то, что по мере развития сюжета в поэме Блока меняется эмоциональное состояние лирического героя. От философских размышлений: „Ветер, ветер –// На всем Божьем свете!“ он переходит к ироническим характеристикам проходящих мимо него людей и далее по тексту то подхватывает

¹⁵⁵ Пьяных М. *Певец огневой стихии. Поэзия А. Белого революционной эпохи 1917 – 1921 годов*.
In: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Москва: Советский писатель, 1988; с. 257.

¹⁵⁶ Ременик Г. А. *Поэмы Александра Блока*. Москва: Советский писатель, 1959; с. 144.

народные частушки: „Как пошли наши ребята// В красной гвардии служить...“, то ведет внутренний разговор сам с собой: „Ох ты, горе-горькое!// Скука скучная,// Смертная!“.

Если же говорить о связи автора и его лирического героя, то в обоих случаях можно увидеть их несомненное единство, что является характерным для всего творчества Блока и Белого. Л. К. Долгополов считал, что „лирическое ‚я‘ Белого... наглядно оголено в его стихах, нервически выпячено вперед“¹⁵⁷, у Блока же – „спрятано в глубь души“¹⁵⁸, но по нашему мнению, обе поэмы „вполне можно рассматривать как своеобразный театр одного актера, где многообразие чувств и переживаний есть художественное выражение ‚многообразия‘ самой личности поэта“¹⁵⁹.

¹⁵⁷ Долгополов, Л. К. *Начало знакомства. О личной и литературной судьбе Андрея Белого.*
In: *Андрей Белый: Проблемы творчества.* Москва: Советский писатель, 1988; с. 46.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же.

Заключение

Сравнение двух поэм, которые возникли как реакция на Октябрьскую революцию 1917 года, показало, что отношение к этому кардинальному в истории России событию было и остается неоднозначным. С одной стороны, русская интеллигенция жаждала перемен, жила с ощущением своей собственной вины перед народом, симпатизировала, а иногда и открыто поддерживала революционные настроения в обществе. А с другой – нужно признать, что в большинстве случаев мировоззрение писателей и поэтов „серебряного века“ основывалось на утопических мечтаниях и романтических представлениях о том, каким образом и какими средствами должны происходить преобразования страны и общества. Характерными в этой связи являются не только две рассмотренные нами поэмы, но и весь творческий путь их авторов.

И Блок и Белый приняли революцию, увидели в ней стихию, „мировой пожар“, способный очистить мир от старых проблем. Но революция не приняла поэтов-символистов. Людям, пришедшим в 1917 году к власти, не нужны были мечтатели-романтики. Возможно, в этом заключается основная трагедия Блока и Белого как русских писателей и как патриотов своей страны.

Но, безусловно, революция оказала огромное влияние на русскую литературу. В тот момент, когда, по словам В. Маяковского, „кругом тонула Россия Блока“¹⁶⁰, многие писатели пережили небывалый творческий подъем, и это, несомненно, относится к Блоку и Белому.

Поэмы „Двенадцать“ и „Христос воскрес“, при всей их несхожести, остаются знаменательными по своим достоинствам произведениями искусства. Попытка рассмотреть поэтические средства, которые были использованы обоими поэтами для раскрытия поставленной ими художественной задачи, помогла нам не только увидеть индивидуальные авторские особенности текстов, но и взглянуть на одну и ту же проблематику с разных точек зрения.

И Блок и Белый, оставаясь крепко связанными с русской поэтической традицией, создали произведения новаторские по форме и содержанию. Оригинален повествовательный стих поэм, своеобразны их композиционные составляющие, интересно сочетание символических приемов с реалистической детализацией

¹⁶⁰ Маяковский, В. В. *Стихи и поэмы*. Москва: Детская литература, 1965; с. 449.

изображаемого, а образы их лирических героев позволили нам лучше понять восприятие поэтами революционных процессов, произошедших в стране.

Любопытным показалось нам стремление поэтов связать революцию с религией. Личность Христа, являющаяся для поэтов воплощением духовного идеала, к которому должен стремиться человек, в сложный жизненный период послужила им той точкой отсчета, тем мериллом, помогающим понять истинный смысл и историческую значимость происходящего. В этом, пожалуй, поэты были единодушны. Однако невозможно обойти вниманием и принципиальные отличия этого образа у Блока и Белого. Для Блока фигура Христа, появляющаяся в финале поэмы, служит оправданием всем злодеяниям, которые принесла с собой революция. В поэме Белого – это центральный образ поэмы, символ глобальной революции во всех областях человеческой жизни.

Сравнение поэм, проведенное в данной бакалаврской работе, не предполагало окончательную оценку этих произведений и определение того места, которое они занимают в русской и мировой литературе. Возможно, поэма „Двенадцать“ более известна и популярна у читателей, чем „Христос воскрес“. Главной отправной точкой нашего исследования являлось то, что обе они были и остаются памятниками русской словесности, поэтическими свидетельствами эпохи и, в не последнюю очередь, текстами, достойными самого тщательного анализа, о чем свидетельствуют и многочисленные их интерпретации, малая часть которых была упомянута в данной работе.

Список использованных источников

Литература на чешском языке:

1. Honzík, J. *Dvě století ruské literatury*. Praha: Torst, 2000.
2. Hrala, M. *Ruská moderní literatura 1890 – 2000*. Praha: Karolinum, 2007.
3. Kšicová, D. *Poéma za romantismu a novoromantismu: rusko-české paralely*. Brno: Univerzita J.E. Purkyně, 1983.

Литература на русском языке:

1. Ахматова, А. А. *Избранное*. Москва: Художественная литература, 1974.
2. Адамович, Г. В. *Наследство Блока*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004.
3. Белый, А., Блок, А. А. *Переписка 1903 – 1919*. Москва: Прогресс – Плеяда, 2011.
4. Белый, А., Иванов-Разумник Р. В. *Переписка*. Санкт-Петербург: Atheneum, Феникс, 1998.
5. Белый, А., Иванов-Разумник, Р. В., Штейнберг, А. З. *Памяти Александра Блока*. Томск: Водолей, 1996.
6. Белый, А. Критика. Эстетика. *Теория символизма в двух томах*. Москва: Искусство, 1994.
7. Белый, А. *На рубеже двух столетий*. Москва – Ленинград: Земля и фабрика, 1931.
8. Белый, А. *Нечаянная радость. Второй сборник стихов*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004.
9. Белый, А. *Обломки миров*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004.
10. Белый, А. *Песнь солнценосца*. In: *Скифы, сборник № 2*. Петроград: Скифы, 1917 – 1918.
11. Белый, А. *Петербург*. Москва: Наука, 1981.
12. Белый, А. *Символизм как миропонимание*. Москва: Республика, 1994.
13. Белый, А. *Стихотворения и поэмы*. Москва – Ленинград: Советский писатель, 1966.
14. Бердяев, Н. А. *В защиту А. Блока*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004.
15. Бердяев, Н. А. *Мутные лики*. In: *Андрей Белый: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004.
16. Блок, А. А. *Записные книжки 1901 – 1920*. Москва: Художественная литература, 1965.

17. Блок, А. А. *Искусство и революция*. Москва: Современник, 1979.
18. Блок, А. А. *Полное собрание стихотворений в двух томах*. Ленинград: Советский писатель, 1946.
19. Блок, А. А. *Собрание сочинений в восьми томах, т. 7. Автобиография, 1915. Дневники, 1901 – 1921*. Москва – Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1963.
20. Бунин, И. А. *Воспоминания*. Париж: Лев, 1950.
21. Волошин, М. *Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004.
22. Гиппиус, З. Н. *Живые лица: воспоминания, стихотворения*. Москва: Русская книга, 2002.
23. Долгополов, Л. К. *Начало знакомства. О личной и литературной судьбе Андрея Белого*. In: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Москва: Советский писатель, 1988.
24. Долгополов, Л. К. *Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков*. Москва – Ленинград: Наука, 1964.
25. Иванов, В. И. *Родное и вселенское*. Москва: Республика, 1994.
26. Иванов-Разумник Р. В. *Весть весны*. In: *Андрей Белый: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004.
27. Иванов-Разумник, Р. В. *Испытание в грозе и буре*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004.
28. Крученых, А. Е. *Язвы Аполлона*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004.
29. Лавров, А. В. *Андрей Белый. Разыскания и этюды*. Москва: Новое литературное обозрение, 2007.
30. Мандельштам, О. Э. А. *Блок (7 августа 21 г. – 7 августа 22 г.)*. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004.
31. Маяковский, В. В. *Стихи и поэмы*. Москва: Детская литература, 1965.
32. *Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову*. Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1936.
33. Пьяных М. *Певец огневой стихии. Поэзия А. Белого революционной эпохи 1917 – 1921 годов*. In: *Андрей Белый: Проблемы творчества*. Москва: Советский писатель, 1988.

34. Ременик Г. А. *Поэмы Александра Блока*. Москва: Советский писатель, 1959. 35. Смола, О. П. „Черный вечер, белый снег...“: *Творческая история и судьба поэмы А. Блока „Двенадцать“*. Москва: Наследие, 1993.
35. Спивак, М. Л. *Андрей Белый – мистик и советский писатель*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2006.
36. Сувчинский П. П. <Предисловие к кн.: А. Блок. Двенадцать>. In: *Александр Блок: Pro et contra*. Санкт-Петербург: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004.

Справочная литература:

1. Квятковский, А. П. *Поэтический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 1966.
2. *Словарь литературоведческих терминов* (под ред. Л. И. Тимофеева, С. В. Тураева). Москва: Просвещение, 1974.
3. Vlašín, Š. (red.) *Slovník literární teorie*. Praha: Československý spisovatel, 1977.

Интернет- источники:

1. Белый, А. *Россия*. [online] [cit. 24.02.2017]
URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_1910_rossiya.shtml
2. Брюсов, В. Я. *Избранные стихотворения*. [online] [cit. 22.4.2017]
URL: <http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/text_0040.shtml>
3. Мережковский, Д. С. *О причинах упадка русской литературы*. [online] [cit. 24.02.2017]
URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1893_o_prichinah_upadka.shtml
4. Соловьев, В. С. *Собрание стихотворений*. [online] [cit. 24.02.2017]
URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_0060.shtml#122